

ПРИДНЕСТРОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Т.Г. ШЕВЧЕНКО
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ
ОРФОЭПИЯ. АКЦЕНТОЛОГИЯ
Учебно-методическое пособие

для студентов филологического факультета
очной формы обучения по направлению подготовки бакалавра
7.45.03.02. «Лингвистика»

Издательство Приднестровского университета
2018

УДК 811.161.1'342'355 (075.8)

ББК Ш 111.2 – 1я73

А 43

Активные процессы в современном русском языке. Орфоэпия. Акцентология: Учебно-методическое пособие для студентов филологического факультета очной формы обучения по направлению подготовки бакалавра 7.45.03.02. «Лингвистика»/ Сост. Ж.Д. Беляева – Тирасполь: Изд-во Приднестр. ун-та, 2018. – 122 с.

Рассматриваются динамические процессы в русском языке новейшего периода, вопросы нормирования, языковой вариантности в ее отношении к литературной норме. Активные процессы рассмотрены на фонетическом уровне языковой системы – на орфоэпическом и акцентологическом. Особое внимание уделено средствам массовой информации как наиболее очевидному источнику изменений в словарном составе русского языка, а также интернет-дискурсу. Пособие включает контрольные вопросы, систему заданий творческого и проблемного характера, направленных на усвоение и закрепление теории, а также хрестоматию, и предназначено как для аудиторных занятий, так и для самостоятельной работы студентов.

Для студентов филологического факультета, получающих образование по направлению «Лингвистика». Представляет интерес для преподавателей и учителей, студентов-филологов, а также для всех, кто интересуется нынешним состоянием русского языка, проблемами его функционирования и развития.

УДК 811.161.1'342'355 (075.8)

ББК Ш 111.2 – 1я73

А 43

Составитель:

Ж.Д. Беляева – старший преподаватель кафедры русского языка и межкультурной коммуникации ПГУ им. Т.Г. Шевченко

Рецензенты:

В.А. Романенко – канд. филол. наук доц. каф. русского языка и межкультурной коммуникации ПГУ им. Т.Г. Шевченко

О.В. Балан – канд. пед. наук, доц., и.о. зав. каф. английской филологии ПГУ им. Т.Г. Шевченко

Утверждено Научно-методическим советом ПГУ им. Т.Г. Шевченко

© Беляева Ж.Д., 2018

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дисциплина «Активные процессы в современном русском языке», сравнительно недавно введённая в государственный образовательный стандарт по направлению «Лингвистика», является важной составляющей в комплексе смежных лингвистических дисциплин: «Основы языкознания» и «Русский язык и культура речи». Особенность дисциплины определяется тем, что она призвана объяснить, что происходит с языком, какие в нём действуют процессы, какие тенденции наметились, какие проблемы актуальны. Несмотря на опубликованные уже пособия и монографии, в которых были систематизированы многие активные процессы, происходящие в современном русском языке, дисциплина требует постоянного обновления, усовершенствования и сопровождения теоретических данных новым материалом.

Основной целью дисциплины «Активные процессы в современном русском языке» является знакомство студентов с важными закономерностями современного русского языка. Как писала Н.С. Валгина, «частные оценки языковых фактов и соответствующие им рекомендации могут помочь разобраться в сложном «языковом хозяйстве» нашего времени и, возможно, повлиять на воспитание чувства языка» [8: с. 6]. Добавила бы еще: повлиять на формирование умения работать с научными текстами и различными источниками информации и, безусловно, представлять проанализированный и обработанный материал.

Материал для аудиторных занятий и самостоятельной работы включает все основные аспекты раздела, посвящённого изменениям на фонетическом уровне современного русского языка, в соответствии с действующей программой.

Хрестоматийная часть будет полезна при выполнении упражнений и заданий и, конечно, поможет увидеть более объёмно и рельефно те новшества, которые появляются в орфоэпии и акцентологии русского языка новейшего периода.

Часть I. АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ОБЛАСТИ ОРФОЭПИИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Изменения в области фонетики, по мнению лингвистов, являются достаточно консервативными, но в языке новейшего периода они все же активно проявляют себя.

Н.В. Богданова в своей работе «Живые фонетические процессы русской речи» [2] представила перечень орфоэпических проблем, тем самым исследователь хотела не только показать объективные трудности фонетического анализа современной русской речи, затрудняющие, в частности, транскрипционное ее представление, но и заинтересовать молодые умы поисками ответа на многие вопросы русского литературного произношения. Перечень, по мнению Н.В. Богдановой, выглядит следующим образом:

1. Существующее по сей день различие московского и петербургского вариантов произносительной нормы, в частности, следующие моменты:

а) произношение звукового комплекса на месте буквосочетания ЧН (бу́лоЧНая, коне́ЧНо);

б) произношение звукового комплекса на месте буквосочетания ЧТ (ЧТо, ниЧТо́, потому́ ЧТо);

в) произношение форм слова дождь и производных от него;

г) произношение звуковых комплексов на месте буквосочетаний ЗЖ и ЖЖ в корнях слов (бры́ЗЖет, виЗЖи́т, во́ЖЖи, дро́ЖЖи).

2. Особенности произношения аббревиатур (США, ФРГ, ССО).

3. Особенности произношения заимствованных (в том числе новейших) слов:

а) сохранение безударных /o/ и /e/ (бо́А, ало́Э);

б) сохранение звонких согласных в конце слова (и́миДЖ, паБ);

в) смягчение твердых непарных согласных /c/, /š/, /ž/ (хуаЦя́о, пШют, Жюри́);

г) произношение интервокального, графически выраженного /j/ (мАЙОнéз, рАЙОнó, мАЙОрát).

4. Специфика произношения отдельных слов, не укладывающаяся в рамки существующих правил: лёГКий, мяГКий, лу́ЧШе, буХГáлтер, слéдуЮщий, пожа́луйСТА, синьОрíна и некоторых других.

5. Произношение факультативного варианта [γ] в сильной позиции (Бо́га, Го́споди).

6. Длительность аффрикат на морфемных стыках (внутреннее сандхи) (оТЦá, купа́ТЬся, молоДЦы́; молоДЧи́на, оТЧи́стить).

7. Ассимиляция согласных по мягкости, особенно в позиции сандхи — внутреннего и внешнего (иЗ Темноты́, раССердítься).

8. Ассимиляция согласных по месту и способу образования в ситуации внешнего сандхи. По всей видимости, она происходит только при слитном произнесении двух слов, которое в связной речи легко и без ущерба для качества речи и ее понимания может быть заменено на произношение с небольшой паузой, достаточной для разрушения взаимовлияния согласных (через Шаг, авто́бус Шел, без Желáния, карни́З Желéзный, перед Челове́ком, голоС Чи́стый, откры́Т С утра́).

9. Произношение Э в начале слова (Эта́ж, Электрiчество).

10. Произношение звукового комплекса на месте буквосочетания ЖД с мягким /d'/, кроме форм слова дождь (день роЖДéния, подоЖДи́, утверЖДéние).

11. Специфика произношения служебных частей речи (побочное ударение, возможность сохранения безударных /o/, /e/, /a/ (последнее — в заударном положении после мягких согласных), разрушение ассимилятивных процессов и т. д.).

12. Специфика произношения слов, особенно сверхчастотных, в связной спонтанной речи (здрáвствуйте, сейча́с, говорiть, то́лько, знáчит, пра́вильно и т. п.).

Возможно, этот список будет дополнен еще какими-то конкретными орфоэпическими особенностями, которые, как правило, выявляются в ходе практического транскрибирования или внимательного, хотя и поверхностного, анализа звучащей вокруг нас речи. Получение ответов на все эти вопросы может изменить или дополнить существующие фонетические правила и буквенно-звуковые соотношения, а также, что гораздо важнее, расширить наши представления о звуковой форме языка, его функционировании в разных ситуациях общения и тех процессах, которые происходят в нашем языке.

Исследователи активно изучают современную орфоэпическую ситуацию. Так, например, Институт русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук регулярно проводит Международную научную конференцию «Фонетика сегодня», последняя проходила в 2016 году, в рамках которой языковеды и лингвисты обсуждают актуальные вопросы фонетики, фонологии, орфоэпии, социолингвистики, акцентологии, просодии. Материалы докладов и сообщений, представленных на конференции, публикуются в сборниках работ [23, 24, 25].

Л.А. Вербицкая в статье «Основные тенденции развития произносительной нормы русского языка» [6] говорит о том, что проблема языковой нормы была и остается одной из актуальных проблем современной лингвистики. Произносительная норма определяется фонологической системой языка, включающего в себя не только инвентарь фонем, но и определенные отношения между ними, дистрибуцию фонем в речи, их функциональную нагрузку, сочетаемость и чередования. Перечень основных черт русской орфоэпии и орфофонии, полученный в результате многолетнего экспериментально-фонетического исследования речи, представлен в монографии Л.А. Вербицкой «Давайте говорить правильно!». Автор публикации говорит о том, что ее, как и многих лингвистов, не может не беспокоить пренебрежение произносительными нормами, отсутствие культуры речи, проникновение просторечных пластов в речь носителей русского языка. Произношением управляют, как кажется исследователю, два закона: аналогии и

экономии произносительных усилий. Среди определенных тенденций развития нормы автор статьи называет дальнейшее развитие противопоставления твердых согласных – мягким, вместе с тем расширение употребления твердых губных в позиции абсолютного конца слова, устранение ассимилятивной мягкости даже в сочетаниях двух переднеязычных и процесс делабиализации / u /.

Л.А. Вербицкая отмечает [7], что национальный язык включает в себя – литературный язык, социокультурные и территориальные диалекты, просторечие, функционально-стилистические разновидности языка. В период, когда языковая ситуация отличается нестабильностью, происходит своеобразное смешение, подмена диалектов, стилей, которые под воздействием процессов, происходящих в обществе, теряют свою функциональную прикрепленность. В этой ситуации даже литературный язык, по определению кодифицированный, подвергается столь сильным волнам социального, культурного и политического воздействия, что его носитель начинает терять некоторые ориентиры, языковая норма становится неустойчивой, способы речевой реализации задуманного – не эффективны. Само по себе их вхождение в литературный язык может быть и оправданным, и полезным, но в периоды социальных, культурных бурь и натисков мы сталкиваемся с их явной избыточностью, неотработанностью, поскольку «языковой вкус эпохи», призванный быть неким фильтром, с отведенной ему ролью не справляется.

В статьях И.Л. Фунтовой «Изменения в произношении гласных звуков в современном русском литературном языке» и «Изменения в произношении согласных звуков и их сочетаний в современном русском литературном языке» [28, 29] рассматриваются современные тенденции в области произношения гласных и согласных звуков в русском литературном языке: усиление «буквенного» («графического») произношения, фонетическая адаптация иноязычных слов нивелировка произношения в социальном плане, стирание особенностей территориального произношения и другие. Также автором отмечаются причины изменений в произношении, которые происходят под

влиянием внутренних законов языка, а также социальных и эстетических факторов.

Вариантность является фундаментальным свойством языковой системы и функционирования всех единиц языка. В решении вопросов орфоэпической вариантности и нормативности существуют некоторые разногласия. В статье М.А. Головановой «Проблемы вариантности орфоэпических норм русского языка» [10] рассмотрены вопросы, связанные с проблемой вариантности произносительных норм.

В статье Е.М. Хакимовой «Нормы современной русской сегментной орфоэпии: аспекты осмысления в российской лингвистике» [32] установлено, что предметом изучения российских лингвистов являются следующие аспекты сегментной орфоэпии: 1) природа норм на фонетическом уровне языковой системы; 2) орфоэпическая парадигма, включающая нормативные и девиантные произносительные варианты слова в речевом узусе; 3) условия орфоэпического варьирования; 4) эвфоническая составляющая произносительной нормы; 5) отношение к орфоэпической традиции – тенденция к модернизации в сфере орфоэпической кодификации или установка на сохранение сбалансированной ретроспективности. Анализ лингвистических концепций позволяет автору прийти к выводу о том, что в русистике при исследовании проблем сегментной орфоэпии системоцентрический подход к изучению языка соединяется с антропоцентрическим.

Статья П.В. Дурягина «Реализация «сочетаний с непроизносимыми согласными» на стыках слов в современном русском литературном языке» [11] содержит результаты интересного, на наш взгляд, экспериментального исследования фонетической реализации консонантных кластеров, образующихся на стыках фонетических слов в современном русском литературном языке. В работе описаны фонетические изменения в этих сочетаниях, а также влияние на их реализацию признаков глухости – звонкости и твердости – мягкости согласных, входящих в состав сочетания; места ударения, характера фразовой позиции, места словесной границы.

Современный русский литературный язык (далее – СРЛЯ) как язык консонантного типа характеризуется наличием большого количества сочетаний, состоящих из трех и более согласных. В пределах фонетического слова максимальное количество согласных фонем подряд предположительно равняется шести, например, в слове адъютанство. В кодифицированном литературном русском языке существуют определенные ограничения на сочетаемость согласных. Особое положение среди консонантных кластеров русского языка занимают так называемые «сочетания с непроизносимыми согласными». Они представляют собой последовательности из трех и более согласных фонем, одна из которых реализуется нулем звука на фонетическом уровне в результате действия фонологических правил. М.В. Панов определяет непроизносимые согласные как «звуковой ноль, который вследствие позиционного чередования выражает согласную фонему». Однако эти фонологические правила, или позиционные чередования, не соответствуют критерию «безысключительности», применяемому М.В. Пановым. Об этом свидетельствует сам факт существования орфоэпических рекомендаций произношения сочетаний с непроизносимыми согласными, а также колебания в речи различных носителей русского литературного языка. Для описания подобных явлений М.Л. Каленчук было введено понятие «орфоэпическая прикрепленность». Оно позволяет различать позиции, в которых реализация фонем обусловлена только фонетическими факторами, и позиции, в которых «для того, чтобы определить, каким звуком будет представлена та или иная фонема, недостаточно знать фонетическую позицию, в которой она находится – необходимо также учитывать орфоэпические условия ее функционирования»

Приведенное в данной статье описание фонетических процессов в так называемых сочетаниях с непроизносимыми согласными является частным случаем описания многообразных изменений по месту и способу образования шумных согласных в позициях на стыках фонетических слов. Исследование консонантных кластеров, уникальных для позиции границы слова, позволит расширить представление о том, как шумные согласные взаимодействуют

между собой в тех случаях, когда они оказываются в позициях, запрещенных законами, регулирующими сочетаемость звуков внутри слова в русском языке.

Всем, кто интересуется вопросами современной русской орфоэпии, будет полезно обратиться в учебно-методическому пособию Н.В. Богдановой «Живые фонетические процессы русской речи» [2]. В нём рассматривается живая русская речь и фонетические (орфоэпические и орфофонические) процессы, происходящие в ней. Известно, что исследования современной произносительной нормы всегда остаются актуальными, поскольку сама эта норма, по сравнению со всеми прочими её языковыми разновидностями – орфографической, графической, грамматической, лексической, стилистической и другими, - в наименьшей степени консервативна, максимально подвижна и заметно меняется даже в достаточно ограниченный промежуток времени, буквально на глазах одного поколения носителей языка. Благодаря этому наблюдения над орфоэпическими изменениями оказываются не только полезными и актуальными в самых разных аспектах, но и просто интересными, особенно для начинающих лингвистов и филологов, позволяют привить им любовь к изучению языка, развить навыки внимательного отношения к звуковой материи и научить молодых исследователей простейшим приёмам её анализа.

Мария Леонидовна Каленчук, доктор филологических наук профессор, директор Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН, учёный, чья докторская диссертация была посвящена вопросам орфоэпии – «Орфоэпическая система современного русского литературного языка» (1993 год) Познакомившись с содержанием видеолекций и вебинаров М.Л. Каленчук [5, 6], можно услышать ответы на многие интересующие вопросы. Брю[не]т или брю[нэ]т, було[шн]ая или було[чн]ая – мы постоянно сталкиваемся с проблемой выбора вариантов произношения. Почему в языке так много вариантов звукового оформления слов и морфем и как относиться к этому разнообразию? Чем отличается московское и петербургское произношение?

Еще одна лекция, которая будет интересна в рамках рассматриваемой проблематики – лекция Алексея Дмитриевича Шмелёва [11], доктора филологических наук профессора, заведующего отделом культуры речи Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, председателя Орфографической комиссии Российской академии наук (с 2014 года), автора трудов по русской языковой картине мира. Лекция была прочитана в рамках межвузовского научного семинара «Актуальные проблемы современной лингвистики и межкультурной коммуникации» (26 – 27 мая 2016 г., г. Улан-Удэ).

В течение полутора столетий существовали два признанных варианта русского литературного произношения: московский и петербургский. Какой же из них являлся ведущим? В чём их различие? Вербицкая Людмила Алексеевна, доктор филологических наук, профессор, президент Российской академии образования, член Совета по русскому языку при Правительстве Российской Федерации не только ответит на этот вопрос, но и расскажет о треугольнике гласных Л.В. Щербы, о чередовании гласных звуков, раскроет секреты произношения согласных звуков [6, 7].

Рекомендуемые источники для подготовки по теме

1. Активные процессы в современном русском языке: учебное пособие для студентов специальности 030901.65 «Издательское дело и редактирование» / Сост. Н.В. Любезнова / Саратовский государственный социально-экономический университет. – Саратов, 2010. – С. 42 – 44.
2. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. М., 2009. – С. 52 – 60.
3. Волошина С.В. Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие. – Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2016. – С. 56 – 57, 58 – 61.

4. Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX – XXI веков / Отв. ред. Л.П. Крысин. – М.: Языки славянской культуры, 2008. – С. 271 – 374.
5. Юдина Н.В. Русский язык в XXI веке: кризис? эволюция? прогресс? (монография) / Н.В. Юдина. – М.: Гнозис, 2010. – С. 85 – 86.

Интернет-ресурсы

1. «Грамотные понедельники»: лекция М.Л. Каленчук «Варианты произношения: благо или зло?» // <https://www.youtube.com/watch?v=R5S88KwqLUY>
2. Вебинар М.Л. Каленчук «Современные орфоэпические нормы русского языка и их отражение в словарях» // <https://www.youtube.com/watch?v=YGpV4i3Zt4M>
3. Лекция А.Д. Шмелёва «Изменения в русском языке начала XXI века: мифы и реальность» // <https://www.youtube.com/watch?v=1zzR2MgcpAo>
4. Лекция Л.А. Вербицкой «Произносительная норма» // <https://www.youtube.com/watch?v=DGhAYNka3Y0>
5. Лекция Л.А. Вербицкой «Варианты русского литературного произношения, или Как говорят в Москве и Петербурге» // <https://www.youtube.com/watch?v=xFwwtMuGQZQ>

Контрольные вопросы

1. Назовите основные фонетические законы и процессы русской фонетики.
2. Что вам известно о московском и петербургском произношении? В чём их различие?
3. Какие основные проблемы в современном русском произношении называют исследователи?
4. Какие причины изменений в русском произношении называют исследователи?

Упражнения и задания

1. Изучите работу И.Л. Фунтовой «Изменения в произношении гласных звуков в современном русском литературном языке» (см. с. 23), напишите план-конспект статьи и расскажите, какие современные тенденции в области произношения гласных звуков в русском литературном языке называет автор (в формате сообщения). Приведите свои примеры, используя новые орфоэпические словари.

2. И.Л. Фунтова отмечает причины изменений в произношении гласных, которые происходят под влиянием внутренних законов языка, а также социальных и эстетических факторов. Назовите их, проанализировав работу «Изменения в произношении гласных звуков в современном русском литературном языке» (см. с. 23). Напишите план-конспект. Подготовьте устное выступление.

3. Какие современные тенденции в области произношения согласных звуков и их сочетаний в русском литературном языке называет И.Л. Фунтова в работе «Изменения в произношении согласных звуков и их сочетаний в современном русском литературном языке» (см. с. 32). Представьте ответ в виде плана-конспекта. Подготовьте устное сообщение.

4. Что, по мнению М.А. Головановой, является причинами изменения в произношении или проявления вариантности в русском литературном языке (см. с. 45)? Ответ представьте в виде плана-конспекта.

5. Какие аспекты сегментной орфоэпии Е.М. Хакимова называет предметом изучения российских лингвистов в статье «Нормы современной русской сегментной орфоэпии: аспекты осмысления в российской лингвистике» (см. с. 54)?

6. Демотиваторы, которые сегодня столь популярны среди пользователей интернета, выполняют важную нормирующую функцию, напоминая интернет-сообществу то или иное правило. Какие орфоэпические демотиваторы вы встречали? Соберите свою «коллекцию» подобных и подготовьте сообщение на

тему «Орфоэпические демотиваторы и обыгрывание типичных орфоэпических ошибок» или «Что является предметами обыгрывания в орфоэпических демотиваторах?», «Моё отношение к орфоэпическим демотиваторам».

7. Подготовьте доклад на одну из тем: «Основные изменения в произношении гласных звуков русского языка новейшего периода», «Основные изменения в произношении согласных звуков русского языка новейшего периода» (на основе материала, представленного в работах Л.А. Вербицкой, М.Л. Каленчук, И.Л. Фунтовой, М.А. Головановой, Е.М. Хакимовой, а также материала учебно-методических пособий, монографий, рекомендованных для изучения, видеолекций и других источников).

Часть II. АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ОБЛАСТИ АКЦЕНТОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Акцентологическая проблематика остается одним из наименее разработанных разделов общей теории языковой системы. Несмотря на серьезные успехи современных акцентологических исследований, остаются нерешенными многие вопросы русской акцентологии, что объясняется чрезвычайной сложностью ударения как языкового объекта. Ударение в современном русском языке представляет стройную систему, соотнесенную с грамматической системой. Русское ударение - не только фонетическое явление, оно обращено в область морфологии, глубоко проникает в грамматическую ткань языка. Подвижность ударения не хаотична и не безгранична, а подчиняется вполне строгим закономерностям, основанным прежде всего на зависимости ударения от морфологии. Акцентные категории и противопоставления соотнесены с грамматическими категориями и выражают грамматические противопоставления. Акцентные единицы служат для различения морфологических классов слов. В фоно-морфологической структуре русского языка ударение играет важнейшую функциональную роль и требует глубокого и всестороннего изучения. Актуальность изучения ударения, закономерностей и правил приобретает особую остроту в плане установления литературных акцентных норм. Проблема оценки акцентных вариантов чрезвычайно сложна. Одной из причин является реально сложившаяся в нашем обществе языковая ситуация, характеризующаяся чрезмерной вариантностью, низкими требованиями к речи даже наиболее образованных кругов населения. В связи с этим проблемы акцентологии приобретают особую актуальность.

В конце XX века проблема русского ударения и его кодификации значительно обострилась в связи с возрастающей ролью публичной речи. Речь парламентская, речь, звучащая с экранов телевизоров, по радио, стала активным стимулом для подражания. Она была у всех на слуху и невольно оказывала воздействие на речевую практику населения. То, что средства

массовой информации в настоящее время, в отличие от прошлых лет, настроены на живое, непринужденное общение, а также значительное расширение круга лиц, допущенных к эфиру, серьезно расшатало акцентные нормы русского языка. Вкусовые установки, недостаточное владение нормами языка породили массу ошибочных ударений, постоянно умножающихся.

Хотя дело не только в небрежности и недостаточной грамотности. Сложившаяся общественная обстановка в конце XX века значительно повысила «нормальные» темпы языковой динамики. В частности, активизировалось закономерное противоречие между узусом и возможностями языка. Причем узус стал часто утрачивать свою силу и ослаблять границы своего действия. Речь профессиональная, деловая, разговорная все более усиливала влияние на речь публичную, официальную. В этой связи процессы, подготовленные самой системой языка, ускорились и бывшие строгие литературные нормы оказывались поколебленными.

В области ударения это особенно было заметно, поскольку в язык хлынул поток новых слов, еще недостаточно освоенных, понятых, часто только услышанных. Если говорить именно об ударении, то в такой ситуации полагаться можно только на звучащую речь, которая далеко не всегда была правильной, так как многое из того, что уже живет в языке, не отражено в словарях и потому не имеет нормативных оценок.

Сегодня многие лингвисты анализируют ситуацию, которая сложилась в русском языке новейшего периода в области акцентологии: И.Л. Фунтова, А.И. Леонов, М.Ш. Ковалёва, А.М. Фролова, М.Д. Яхно, Т.Г. Фомина, М.А. Голованова, Е.М. Хакимова, М.Р. Ильина, Л.Л. Касаткин, Д.М. Савинов, Е.С. Скачедубова, А. Е. Сомова, Т.Е. Янко и многие другие.

В статье И.Л. Фунтовой «Акцентные изменения в современном русском литературном языке» [27] рассматриваются изменения мест словесных ударений в современном русском литературном языке: общая тенденция к ритмическому равновесию, подвижность глагольного и именного ударения, тенденция к грамматикализации ударения прилагательных и причастий.

А.И. Леонов, говоря о вариативности акцентных норм в современном русском языке [19] рассматривает изменения акцентных норм русского языка, вызванные социальными переменами в российском обществе в последние десятилетия. Автор отмечает, что изменение акцентных норм не соответствует общепринятой литературной норме, однако их распространение в профессиональной среде является крайне устойчивым, несмотря на все усилия нормализаторов русского языка. Исследователь приходит к выводу, что изменение акцентных норм обусловлено внутриязыковыми факторами. Норма изменяется вместе с развитием языка, и эти изменения отражаются в узусе в виде новшеств и сосуществующих вариантов. Поскольку развитие языка представляет собой сложный и не прямолинейный процесс, колебания акцентных норм представляют собой неизбежный этап развития языка.

Молодые исследователи из Оренбургского государственного медицинского университета М.Ш. Ковалёва, А.М. Фролова и М.Д. Яхно в работе «Активные процессы в области словесного ударения» [16] отмечают, что в современной языковой ситуации «расшатывание», изменение языковых норм происходит очень быстро и требует более активного изучения филологами и лексикографами современного русского языка с целью уточнения нормативных фонетических, акцентологических и грамматических вариантов. Даже самые современные словари не успевают отражать все новшества, появляющиеся в языке, поэтому основные тенденции можно проследить лишь при изучении звучащей речи в сопоставлении с вариантами, зафиксированными в различных лексикографических источниках. В данной статье рассматриваются изменения, происходящие в современном русском языке в области словесного ударения. В исследовании были использованы методы наблюдения, сплошной выборки, сопоставительного анализа, дистрибутивный, компонентный и структурный метод. Результатом исследования можно признать классификацию основных тенденций изменения нормы русского словесного ударения в исконных и заимствованных словах, что, безусловно, представляет интерес для лексикографов и исследователей с

целью фиксировать современное состояние языка и, возможно, прогнозировать его развитие.

В статье Т.Г. Фомина «Особенности эволюционных процессов в современной русской акцентуации» [23] с позиций нелинейной динамики – нового эволюционного направления конца XX в. – рассматриваются процессы формирования акцентной оппозиции чисел у существительных женского рода. Установлены специфические различия в трансформации акцентных парадигм у существительных 2 и 3 склонения как отражение разных этапов нелинейной эволюции – порядка и хаоса. Прогнозируются разные сценарии дальнейшего развития описываемого фрагмента акцентной системы, влияющие на становление в современном русском языке кодифицированной литературной нормы.

В статье Фунтовой И.Л. «Тенденции и основные правила, определяющие место словесного ударения в английском и русском языках» [30] рассматриваются тенденции, влияющие на место словесного ударения в английском языке (рецессивная, ритмическая, ретентивная, семантическая) и в русском языке (тяготение к центру слова и предпочтение второй половины слова), а также формулируются основные правила постановки словесных ударений в сопоставляемых языках.

М.А. Голованова, рассматривая проблемы вариантности орфоэпических норм русского языка, обратила внимание не только на орфоэпию, но и на акцентологию. Вариантность, по мнению автора, является фундаментальным свойством языковой системы и функционирования всех единиц языка. В решении вопросов орфоэпической вариантности и нормативности существуют некоторые разногласия. В статье М.А. Головановой «Проблемы вариантности орфоэпических норм русского языка» рассмотрены вопросы, связанные с проблемой вариантности произносительных норм.

Е.М. Хакимова в работе «Нормы современного русского ударения: динамика синхронии» [31] доказывает тезис о том, что динамику норм современного русского ударения определяют следующие детерминанты: 1)

квантитативные характеристики гласных в ударном и околоударных слогах; 2) тенденция к ритмическому равновесию; 3) грамматикализация ударения; 4) акцентная унификация по аналогии; 5) прагматизация акцентного варьирования. Анализ материалов интернет-дискуссии позволил выявить специфику понимания норм ударения с позиций обыденного метаязыкового сознания, а также получить информацию о способах овладения нормативными акцентными реализациями, комфортных для языкового коллектива.

Рекомендую также обратиться к видеолекциям, посвящённым проблемам русской акцентологии. Так, М.А. Штудинер [12] рассуждает об одной из основных характеристик русского ударения – подвижности / неподвижности, пытаюсь ответить на вопрос, насколько же свободно русское ударение, а И.Б. Иткин [4] рассказывает о том свойстве ударения, которое способно сделать самостоятельные части речи словами без самостоятельного ударения, т.е. энклитиками (проклитиками). Исследователь рассматривает ситуацию, когда предлоги принимают на себя ударение, и предлагает подумать, насколько эта ситуация сегодня актуальна.

Рекомендуемые источники для подготовки по теме

1. Активные процессы в современном русском языке: учебное пособие для студентов специальности 030901.65 «Издательское дело и редактирование» / Сост. Н.В. Любезнова / Саратовский государственный социально-экономический университет. – Саратов, 2010. – С. 44 – 53.

2. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. М.: Логос, 2003. – С. 61 – 74.

3. Волошина С.В. Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие. – Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2016. – С. 56 – 57, 61 – 65.

4. Русский язык конца XX столетия (1985 - 1995). – 2-е изд. – М.: «Языки русской культуры», 2000. – С. 305 – 325.

5. Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX – XXI веков / Отв. ред. Л.П. Крысин. – М.: Языки славянской культуры, 2008. – С. 375 – 398.

6. Юдина Н.В. Русский язык в XXI веке: кризис? эволюция? прогресс? (монография) / Н.В. Юдина. – М.: Гнозис, 2010. – 293 с. – С. 86 – 87.

Интернет-ресурсы

1. Михаил Абрамович Штудинер (МГУ) отвечает на вопрос «Насколько свободно русское ударение?» // <https://www.youtube.com/watch?v=0iQyOqqsu2g>

2. Илья Борисович Иткин (Институт востоковедения РАН) Ударение на предлог // <https://www.youtube.com/watch?v=DC-ry8o64z0>

Контрольные вопросы

1. Назовите основные характеристики ударения в русском литературном языке.

2. В чем заключается подвижность / неподвижность русского ударения?

3. Актуальны ли сегодня вопросы, связанные с акцентологическими изменениями?

4. Что определяет динамику норм современного русского ударения в настоящее время?

Упражнения и задания

1. Назовите причины, приведшие в обострению акцентологических проблем в конце XX века, изучив статью И.Л. Фунтовой «Акцентные изменения в современном русском литературном языке» (см. с. 61), составьте тезисный план.

2. Какие тенденции в области словесного ударения в русском языке новейшего периода называет И.Л. Фунтова в статье «Акцентные изменения в

современном русском литературном языке» (см. с. 61)? Напишите план-конспект. Подготовьте устное сообщение.

3. Какие характерные примеры изменения акцентных норм в речи рассматривает А.И. Леонов в статье «Вариативность акцентных норм в современном русском языке» (см. с. 71)? Напишите план-конспект. Подготовьте устное выступление.

4. Причины акцентных изменений называют М.Ш. Ковалёва, А.М. Фролова и М.Д. Яхно в работе «Активные процессы в области словесного ударения» (см. с. 78). Напишите план-конспект.

5. В статье Фунтовой И.Л. «Тенденции и основные правила, определяющие место словесного ударения в английском и русском языках» (см. с. 97) рассматриваются тенденции, влияющие на место словесного ударения в английском и в русском языке. Назовите эти тенденции. Составьте таблицу, отражающую сравнительно-сопоставительную характеристику.

6. Е.М. Хакимова в работе «Нормы современного русского ударения: динамика синхронии» (см. с. 109) пишет: «<...> анализ научной литературы свидетельствует о том, что отечественными и зарубежными исследователями выявлен ряд значимых для русской акцентуации детерминант, определяющих онтологические основания рассматриваемого ортотипа». Изучите работу Е.М. Хакимовой «Нормы современного русского ударения: динамика синхронии» и расскажите, какие детерминанты, по мнению автора, определяют динамику норм современного русского ударения? Составьте тезисный план и план-конспект.

7. Какими критериями необходимо руководствоваться при выборе акцентных вариантов, если принять тезис об отсутствии общих «правил ударения» в русском языке в качестве исходной посылки (см. работу Е.М. Хакимовой «Нормы современного русского ударения: динамика синхронии», с. 109)? Согласны ли Вы с коммуникантами интернет-дискуссий, чьё мнение выражает Е.М. Хакимова?

8. В статье «Нормы современного русского ударения: динамика синхронии» Е.М. Хакимовой (см. с. 109) называются некоторые эффективные способы освоения предпочитаемых акцентных форм. А какие эффективные мнемотехники известны Вам? Какие Вы используете?

9. Демотиваторы, которые сегодня столь популярны среди пользователей интернета, выполняют важную нормирующую функцию, напоминая интернет-сообществу то или иное правило. Какие акцентологические демотиваторы вы встречали? Соберите свою «коллекцию» подобных и подготовьте сообщение на тему «Орфоэпические демотиваторы и обыгрывание типичных акцентологических ошибок» или «Что является предметами обыгрывания в орфоэпических демотиваторах?», «Акцентологические демотиваторы, обыгрывающие семантические варианты», «Моё отношение к орфоэпическим демотиваторам».

10. Подготовьте доклад на тему «Основные акцентологические изменения русского языка новейшего периода и их причины» (на основе материала, представленного в работах И.Л. Фунтовой, А.И. Леонова, М.Ш. Ковалёвой, А.М. Фроловой, М.Д. Яхно, Т.Г. Фоминой, М.А. Головановой, Е.М. Хакимовой, М.Р. Ильиной, Л.Л. Касаткина, Д.М. Савинова, Е.С. Скачедубовой, А. Е. Сомовой, Т.Е. Янко, а также материала учебно-методических пособий, монографий, рекомендованных для изучения, видеолекций и других источников).

Часть III. ХРЕСТОМАТИЙНЫЕ СТАТЬИ

И.Л. Фунтова,

кандидат филологических наук, докторант кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики, старший преподаватель кафедры индоевропейских и восточных языков Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета

Изменения в произношении гласных звуков в современном русском литературном языке

Язык, которым активно и повседневно пользуется общество как средством общения, живет во времени, развивается и изменяется, поэтому состояние современного русского языка XX – начала XXI столетия и изменения, которые в нем активно происходят, нуждаются во внимательном изучении и освещении с целью выработки оценок и рекомендаций с позиций объективности и исторической целесообразности.

Современные произносительные нормы в русском языке складывались постепенно на базе вариантного столкновения произношения в разных территориальных диалектах, в разных социальных группах и отчасти в разных стилях. Особая роль в выработке литературных норм принадлежит московскому говору. Кроме того, различие вариантов может оцениваться и хронологически как нормы младшего и старшего поколения. Новое произношение вытесняет старое, но зачастую и то и другое сосуществуют довольно длительное время: изживание старого произношения – процесс более сложный, нежели отказ от устаревающих слов и даже грамматических форм. Во всяком случае, на протяжении жизни одного поколения трудно освободиться от произносительных особенностей своей среды, семьи.

Произносительная система языка изменяется медленно, постепенно накапливая черты нового качества и утрачивая черты старого качества; она совершенствуется, становится более последовательной и цельной.

Рассмотрим изменения в произношении гласных звуков в современном русском литературном языке.

Усиление «буквенного» («графического») произношения – одна из наиболее сильных тенденций в современном русском языке. Об этом еще в 1936 году писал Л.В. Щерба, указывая на явное сближение произношения с написанием: «родился» (вместо «родил[сь]»), «тихий» (вместо «ти[хь]й») и т.д.

В условиях усиления «графического» произношения изменилось соотношение вариантов с [e] – [o]. Это фонематическое варьирование связано с внедрившейся в практику русского письма заменой буквы [ё] буквой [е], так написание победило произношение, вернее, подчинило его себе: «блѣкнуть – блекнуть», «белѣсый – белесый», «рубѣж, зарубѣжный – рубеж, зарубежный», «акушѣр – акушер». В подобных случаях до сих пор еще сохраняется вариантность, причем указания на этот счет в словарях противоречивы: в одних случаях литературным признается вариант с «ё», в других – с «е»; даются даже запретительные пометы: «блеф» [не -лѣ-], «помпезность» [не -пѣ-] и т.д. Такие разночтения касаются слов «жѣлчь – желчь», «манѣвр – маневр», «блѣклый – блеклый» и др. Например, в словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой (1995) дается только форма «белѣсый», а чем ближе к нашему времени, тем чаще в литературе встречается форма «белесый». Воздействие орфографии особенно хорошо просматривается в тех случаях, когда новый вариант поддерживается словообразовательно: «желчь» (вместо «жѣлчь»), так как есть термины, где спорный звук (буква) находится не под ударением – «желчегонный», «желчепровод».

В приведенных примерах (переход [o] в [e] под ударением) фиксируется лишь часть этапа взаимоотношений вариантов, однако если обратиться к предшествующему периоду в истории этих взаимоотношений, то окажется, что первичным было как раз [e]. Весь процесс перехода представляется как [e – o – e]: «современный – современнѣнный (фиксируется в начале XX века) – современный»; «разновременнѣнный – разновременинѣнный – разновременнѣнный»; «раскаленнѣнный – раскалиннѣнный – ?»; «разношерстнѣнный – разношѣрстнѣнный – ?»;

«слезный – слёзный – ?». Словарь С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой (1995 / 1998) в последнем случае связывает норму «слёзный» со «слёзка», а «слезный» со «слезница».

Значит, процесс взаимоотношений форм [е – о – е] практически еще не завершился, и разные слова, задействованные в этом процессе, находятся на разном участке пути.

Это относится к литературной норме, вернее, к тому, как она довольно противоречиво фиксируется в словарях. Что же касается живой разговорной речи, то здесь наблюдается явное желание заполнить некоторые «пустые» ячейки. Например, «атлет», «афера» и др. вытесняются просторечными для нашего времени формами «атлёт», «афёра», «хребёт», «опёка». Особенно устойчивы и широко распространены формы «опёка» и «афёра».

«Этапы пути» форм необходимо корректировать, если речь идет о заимствованных словах, в частности, слово «акушер» вошло в русский язык из французского именно в форме «акушёр». Современный русский язык в качестве нормы использует новую форму «акушер», а формы «акушёр – акушор» словари помечают как устаревшие.

Тенденцией в области произношения гласных можно считать и фонетическую адаптацию иноязычных слов – процесс, постоянно действующий в пределах групп слов, заимствованных в разные периоды истории языка, процесс, усиливающийся или затухающий соответственно изменяющейся степени интенсивности самого процесса заимствования. Заимствующий язык всегда стремится подчинить заимствования своим правилам и законам, особенно язык, сильный своей системой.

Русификации подвергается, прежде всего, произношение безударных гласных в предударной позиции. Изначально сохранялось, в частности, четкое [о] в словах типа «поэт», «бокал», «боа», «команда», «вокзал», «досье», «роман». В орфоэпическом словаре-справочнике под редакцией Р.И. Аванесова и С.И. Ожегова (1959) слова «поэт», «поэма», «поэтесса» даются с пометой [по- и доп. па-], а слово «досье» – только [до-].

На сегодняшний день такое [о] считается устаревшим и по закону русского безударного вокализма заменяется редуцированным звуком, близким к «а». Хотя, учитывая высокую стилистическую окраску слов «поэт», «поэзия», а также некоторую экзотичность слова «боа», желательно сохранить старое четкое [о]. Слова же «вокзал», «бокал», «команда», «костюм», «аромат», «прогресс», «роман», «рояль» и др., быстро перешедшие в разряд бытовых, произносятся на манер русских слов с редуцированным гласным, более того, подчеркнутое [о] в этих словах демонстрирует немотивированную вычурность произношения.

Во многих заимствованных словах допускается двойное произношение и орфография, например: «сэндвич – сэндвич», «бунгало – бенгало», «икебана – икэбана». Вариантность допускается и в бытовых исконно русских словах: «камушек – камешек», «зверушка – зверюшка», «сострагивать – состругивать».

Орфографические словари середины XX века к равноценным относят следующие варианты: «тоннель – туннель», «боржом – боржоми», «фортепяно – фортепиано», «нотабена – нотабене» и др. Стойко литературной традицией охраняются варианты «боржом – боржоми», «фортепяно – фортепиано», «валерьяна – валерьянка – валериана», «дьякон – диакон», «брильянт – бриллиант», хотя параллельное употребление форм в конце концов привело к стилистическому размежеванию (варианты «фортепиано», «диакон», «бриллиант», «валериана» получили оттенок книжности, а варианты «фортепяно», «дьякон», «брильянт», «валерьянка» сохранили стилистическую нейтральность) и постепенному вытеснению отдельных форм. Например, в паре «вариант – варьянт» победу одержал «вариант» («варьянт» признается устаревшим), а в паре «валерьянка – валериана» устаревшим оказался книжный вариант – «валериана».

П.А. Лекант (2001: 134) выделяет следующие изменения в произношении гласных в современном русском литературном языке:

1. В современном русском литературном языке господствует «иканье», т.е. совпадение в первом предударном слоге после мягких согласных всех

гласных фонем, кроме /y/ и /и/, в звуке [и/э]: [р'эк] – [р'и/эка], [н'ос] – [н'и/эсу], [п'атыи] – [п'и/этак]. В XIX веке в литературном языке господствовало «эканье» (оно и сейчас встречается в литературном произношении) – совпадение в той же позиции в звуке [э/и] гласных фонем неверхнего подъема: [р'э/ика], [н'э/ису], [п'э/итак], но [п'ила].

2. На месте /a/ после [ш], [ж], [ц] в первом предударном слоге произносится [а/ъ]: «ш[а/ъ]ги», «ж[а/ъ]ра», «ц[а/ъ]рица», «ш[а/ъ]мпунь», «ш[а/ъ]шлык», «ш[а/ъ]мпанское». Произношение «ш[ы/ъ]ги», «ж[ы/ъ]ра» и т.д. считается устаревшим, присущим лишь сценической речи актеров старшего поколения (Орфоэпический словарь Т.Ф. Ивановой, 2007). Но в некоторых словах перед мягким согласным (в одних чаще, в других реже) произносится в связи с прежней нормой [ы/ъ]: «лошадей», «лошадям», «лошадьями»; «жалеть», «пожалей», «к сожалению», «жакет», «жасмин», «двадцати», «тридцатью».

3. В XX веке сначала в разговорной речи, а примерно с середины века и в нейтральном стиле литературного языка на месте заударного [ы] в неконечном и конечном закрытом слоге распространилось произношение [ъ], ставшее в настоящее время господствующим: «оп[ы]ты», «вым[ы]л» и чаще «оп[ъ]ты», «вым[ъ]л». В последнее время в нейтральном стиле стал возможен звук [ь] и в предударных слогах, кроме первого предударного: «в[ы]ходить» и «в[ъ]ходить», «б[ы]товой» и «б[ъ]товой». Но преобладает в этой позиции вариант [ы].

4. В разговорной речи на месте безударного [у] встречается произношение [ъ] после твердого согласного и [и/э] – после мягкого: «г[ъ]бернатор», «с[ъ]матуха», «к[ъ]выркатся», «зам[ъ]жем», «попроб[ъ]й», «комм[и/э]нике», «име[и/э]щийся». В кодифицированном литературном языке такое произношение встречается лишь в виде оговорок.

5. Проклитики и энклитики могут не подчиняться нормам редукции гласных. В них возможны безударные [о], [э], безударный [а] после мягких согласных и звуков, воплощающих / j /, безударный прикрытый [а] не в первом предударном слоге; ср.: «дьякон» [д'јак-он] – «дьякон» [д'јакън]; «те леса» [т'э-

л'и/эса] – «телеса» [т'ьл'и/эса]; «я с ней» [ја-с'н'эи] – «ясней» [ји/эс'н'эи]. В некоторых проклитиках в первом предударном слоге выступает [ъ]: «обещал, так выполни [тък-вып'ьлн'и], «ты да я» [ты дъ-ја].

6. В заимствованных словах на месте фонемы /э/ в безударном положении произносятся различные звуки в зависимости от степени освоения слова русским языком. В словах, сохраняющих книжно-литературный характер, в начале слова и после твердого согласного произносится [э]: «[э]кипировка», «[э]кскаватор», «[э]кстракт», «[э]мбрион», «аст[э]роид», «бизн[э]смен», «корд[э]балет», «андант[э]». В иноязычных словах, полностью освоенных русским языком, в начале слова возможно произношение [и/э]: «[и/э]кономка», «[и/э]мигрант», «[и/э]таж»; после твердого согласного в первом предударном слоге – [ы/ь]: «ат[ы/ь]лье», «бут[ы/ь]рброд», «синт[ы/ь]тический»; в других безударных слогах – [ъ]: «альт[ъ]рнатива», «мод[ъ]низация», «т[ъ]ннисист». В связи с этим возникает нейтрализация /э/ и /и/ в безударных слогах в начале слова (одинаково произносится «из кадра вышла» и «эскадра вышла»; «и кран передвинули» и «экран передвинули»), а также после парных твердых согласных в первом предударном слове (один и тот же гласный [ы/ь] может произноситься в этой позиции в словах «ателье» и «к Илье», «интеграл» и «отыграл»).

В добавление к данным изменениям в области произношения гласных можно также отметить, что в быстрой речи может происходить стяжение буквосочетаний -аа-, -ао-, -оа-, -оо- в предударных слогах до одного звука [ъ]: «заалеть», «заострить», «поаплодировать», «воодушевление», «соотносительный». Однако такое произношение считается признаком разговорного (и даже просторечного) варианта произношения. Как исключение, стяжение допускается в разговорном варианте произношения наречия «вообще» [вьпш'э]; в остальных случаях на месте этих буквосочетаний произносится [аа] (Орфоэпический словарь Т.Ф. Ивановой, 2007).

Правильное употребление полных и редуцированных форм в речи весьма важно, так как ошибки в этом отношении могут изменить соотношение в

смысловой роли слов предложения, как замечает Г.П. Торсуев (1950: 204 – 205). Если вместо редуцированных форм слов употреблять полные, то эти слова получают в речи не принадлежащую им в данном предложении значимость, производя на слух впечатление ударных слов. В то же время более значимые слова тем самым уравниваются по громкости с менее важными словами и, таким образом, уравниваются в известной мере и по семантическому весу.

Следовательно, нарушается ритмический строй речи, основанный на выделении более значимых слов, и речь становится менее ясной и выразительной.

Как отмечает Н.С. Валгина (2003: 52), причины изменений в произношении коренятся в действии внутренних законов языка: глобального закона системности, являющегося одновременно и свойством, и качеством языка; закона традиции, обычно сдерживающего инновационные процессы; закона аналогии, являющегося стимулятором подрыва традиционности; закона экономии (или закона «наименьшего усилия»), а также законов противоречий (антиномии), которые являются по сути «зачинщиками» борьбы противоположностей, заложенных в самой системе языка.

Наряду с этим прослеживается и влияние социальных факторов, например, борьба московского и петербургского произношения активизировалась в периоды обострения претензий Москвы и Петербурга (Ленинграда) на статус столичного города. В какой-то мере проявляются причины и чисто эстетического плана, в частности, традиции старейшего русского драматического Малого театра в Москве, труппа которого сформировалась еще в 50-е годы XVIII века, активно отражали старомосковское произношение и поддерживались в течение десятилетий, оказывая влияние на формирование образцового произношения. Театр всегда был крайне заинтересован в наличии единых произносительных норм русского литературного языка и сыграл в выработке их выдающуюся роль.

Московский Малый театр стал школой общепринятого произношения и хранителем орфоэпических традиций.

В XX веке, и особенно ближе к его концу, на первый план среди социальных причин выдвигается влияние печатного слова (имеется в виду активизация зрительного восприятия графического облика слова).

Таким образом, жизнь языка, его история органично связаны с историей общества, но не подчинены ей полностью из-за своей собственной системной организованности.

Так в языковом движении сталкиваются процессы саморазвития с процессами, стимулированными извне.

Хотя орфоэпические нормы и подвержены изменениям, тем не менее, они достаточно устойчивы, чтобы сохранять свою действенность на протяжении определенного временного периода. Если же говорить о ведущих нормах орфоэпической системы, то они, являясь хранителями системы, существуют веками. Так, сохранился состав фонем, фонетически обусловленные чередования звуков, т.е. явления, определяющие звуковую систему языка и в равной мере свойственные русскому литературному языку как наших дней, так и дооктябрьской эпохи.

Вместе с тем, мы не должны закрывать глаза на живые языковые процессы. Они требуют к себе пристального внимания лингвистов-практиков. В живом языке есть много явлений, имеющих различную – местную, стилистическую или социальную – окраску.

Литературный язык требует строгого отбора. Это относится ко всем его сторонам, и в том числе к произношению. Культура литературного языка заключается в сохранении всего того, что достигнуто им в течение веков, и в приумножении его достоинств – в дальнейшем его совершенствовании и обогащении. Такие задачи ставит перед собой и произносительная культура.

Поэтому из всей массы встречающихся в обществе произносительных вариантов лишь немногие могут претендовать на вхождение в состав норм литературного языка.

Лишь явления, улучшающие произносительную систему, т.е. делающие ее более последовательной, и доказавшие свою жизненность, могут претендовать на то, чтобы войти в состав норм русского литературного языка.

Литература

1. Аванесов Р.И. Русское литературное произношение: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: «Просвещение», 1968. – 287 с.

2. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие для студентов вузов. – М.: Логос, 2003. – 304 с.

3. Винокур Г.О. Русское сценическое произношение. – 3-е изд., доп. – М.: КомКнига, 2006. – 88 с.

4. Дудников А.В. Современный русский язык: Учеб. для филол. спец. вузов союзных и авт. респ. – М.: Высшая школа, 1990. – 424 с.

5. Иванова Т.Ф. Новый орфоэпический словарь русского языка (произношение, ударение, грамматические формы) / Под ред. В.В. Бурцевой. – 2-ое изд. – М., 2007.

6. Лекант П.А., Гольцова Н.Г., Жуков В.П. и др. Современный русский литературный язык / Под ред. П.А. Леканта. – 5-е изд., стер. – М.: Высшая школа, 2001. – 462 с.

7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1995.

8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1998.

9. Орфографический словарь русского языка / Под ред. В.В. Лопатина. – М., 1999.

10. Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы / Под ред. Р.И. Аванесова. – М., 1989.

11. Русское литературное произношение и ударение: Словарь-справочник / Под ред. Р.И. Аванесова и С.И. Ожегова. – М., 1959.

12. Словарь иностранных слов и выражений / Составитель Е.С. Зенович. – М., 1998.

13. Торсуев Г.П. Фонетика английского языка. – М.: Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1950. – 332 с.

14. Хорошая речь / Под ред. М.А. Кормилицыной и О.Б. Сиротининой. – 2-ое изд., испр. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 320 с.

И.Л. Фунтова,

кандидат филологических наук, докторант кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики, старший преподаватель кафедры индоевропейских и восточных языков Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета

Изменения в произношении согласных звуков и их сочетаний в современном русском литературном языке

Произносительные особенности русского литературного языка в основном сложились к середине XVII века на базе разговорной речи города Москвы. Старомосковское произношение и сейчас составляет основу орфоэпических норм, однако его многочисленные частные особенности претерпели существенные изменения.

Рассмотрим изменения в произношении согласных звуков и их сочетаний в современном русском литературном языке.

Как отмечает Н.С. Валгина (2003: 53), одна из наиболее сильных тенденций в области произношения согласных – усиление «буквенного» («графического») произношения, например, произнесение сочетания [-ч'н(°)-] вместо [-шн(°)-] в словах типа «булочная», «перечница». Сейчас уже только некоторое количество слов с данным сочетанием сохранило в качестве литературного произношения [-шн(°)-] – «конечно», «очечник», «нарочно», «скучно», «прачечная», «девичник», «яичница», «Никитична», «Ильинична» и

некоторые другие. Колеблются формы «скворечник», «булочная», «булочник», «лавочник», «подсвечник», «порядочный», «сливочный», «стрелочник» – [-шн(ʹ)-] и [-чʹн(ʹ)-]. Есть случаи, когда произношение подчеркнуто орфографией: «городошник», «двурушник», «киношник». Таких написаний в середине и конце XVIII века было значительно больше: «галстушный», «колпашный», «фабришный», «кожешный», «лавошник» и др.

Подобные орфографические (и особенно произносительные) колебания были и в XIX веке, и в начале XX века. В произведениях А.С. Пушкина, например, заметно избирательное отношение к вариантным формам: он рифмует «скучный [-шн-] – равнодушный»; «скучный [-чʹн-] – однозвучный».

Одно и то же слово в разных сочетаниях может произноситься неодинаково: «серде[чʹн]ый приступ», но «друг сердце[шн]ый»; «шапо[чʹн]ая мастерская», но «шапо[шн]ое знакомство»; «моло[чʹн]ая / моло[шн]ая каша», но только «моло[чʹн]ая кислота».

Как замечает П.А. Лекант (2001: 136), на месте «чн» в одних словах произносится [-чʹн-] или [-чʹнʹ-]: «ве[чʹн]ость», «то[чʹн]ый», «отли[чʹнʹ]ик», «пе[чʹнʹ]ик»; в других – [-шн-] или [-шнʹ-]: «горчи[шн]ый», «коне[шн]о», праче[шн]ая», «пустя[шн]ый», «ску[шн]о», «Кузьмини[шн]а», «Савви[шн]а»; «двое[шнʹ]ик», «оче[шнʹ]ик», «скворе[шнʹ]ик», «яи[шнʹ]ица».

Другая тенденция в области произношения согласных – фонетическая адаптация иноязычных слов.

Много внимания словари уделяют иноязычным словам, в которых за согласным звуком следует гласный «е» в разных позициях – ударных («ректор») и безударных («декан»). Русификация подобных слов заключается в замене твердого согласного перед [э] на смягченный, а произношение типа «р[э]ктор», «пион[э]р», «муз[э]й», «брюн[э]т» считается претенциозным и неграмотным; в случае же безударной позиции («декан» [дʹи/экан]) произношение гласного «е» после смягченного согласного еще и качественно меняет гласный звук на «и» с оттенком «э» (хотя допустимо и произношение [дэкан]). Иноязычных слов такого типа в современном русском языке очень

много. Грамматически они давно освоены русским языком – многие из них склоняются, однако произношение часто сохраняется исконным, особенно это характерно для терминологической лексики: «фонема» [-нэ-], «интеграл» [-тэ-], «детектор» [дэтэ-], «де-юре» [дэ-, -рэ], «де-факто» [дэ-], «дешифровать» [дэ-], «децентрализовать» [дэ-], «дефиле» [дэ-], «детерминизм» [дэтэ-], «детектив» [дэтэ-], «диатез» [-тэ-], «тенденциозный» [тэндэ-], «термос» [тэ-], «термостат» [тэ-], «теннис» [тэ-], «тент» [тэ-], «тенденция» [тэндэ-], «артерия» [-тэ-], «антенна» [-тэ-], «кодекс» [-дэ-], «пастель» [-тэ], «тире» [-рэ], «экзема» [-зэ-], «эстетика» [-тэ-], «поэтесса» [-тэ-].

Наряду с этим другие специальные слова подверглись обрусению: «детонатор», «детонация», «дефиниция», «дефис», «дефектолог», «дефектология», «дефицит», «темп», «рельс», «терминал», «термин», «термит», «термометр», «теория», «фанера», «бассейн», «беж», «академия»; при этом твердый согласный перед «е» сохраняют бытовые слова типа «декольте» [дэ-, -тэ], «кашне» [-нэ], «диета» [-иэ-], «кабаре» [-рэ], «кафе» [-фэ], «бифштекс» [-тэ-], «коктейль» [-тэ-], «отель» [-тэ-], «партер» [-тэ-], «пюре» [-рэ], «тоннель» [-нэ-], «шатен» [-тэ-], «шоссе» [-сэ-], «бизнес» [-нэ-], «модель» [-дэ-], «шедевр» [-дэ-].

Интересно проследить поэтапное изменение отношения лексикологов к становлению нового произношения подобных заимствований. В середине XX века требовались еще указания на этот счет даже в таких словах, как «текст», «текстолог», «тембр», «тенор», «тент». В словаре-справочнике под редакцией Р.И. Аванесова и С.И. Ожегова (1959) есть пометы: «текст» [не тэ-], «тема» [не тэ-], «текстолог» [не тэ-], «тенор» [не тэ-]. Если сравнить этот словарь-справочник со словарем С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой (1998), видно, что стойко сохраняют твердый согласный слова «тембр» [тэ-], «тенденция» [тэндэ-], «тент» [тэ-]; в некоторых других словах произошли изменения: «демонтаж» [дэ-] (1959), [д'э] (1998); «деморализация» [дэ-] (1959), [д'э-] (1998); «депрессия» [дэ-, не -рэ-] (1959), [д'э-, не -рэ-] (1998).

Слово «темп» так же подверглось фонетическим изменениям: «темп» [тэ-] (1959), [т'э-] (1998), [тэ-] (Орфоэпический словарь Т.Ф. Ивановой, 2007).

Как видно, процесс идет неровно, унификации не произошло даже в конце XX века. Причем мягкий и твердый варианты согласных сосуществуют в однотипных группах слов, например, в словах с компонентом -пресс-: «пресса» [-р'э-], «компресс» [-р'э-], «пресс-конференция» [-р'э-] – закрепилось мягкое произнесение, а в словах «репрессии», «экспресс» допускается наряду с мягким вариантом твердый.

В массовом употреблении, как отмечает Н.С. Валгина (2003: 56), предпочтительным оказывается твердый вариант, вопреки указаниям словарей. Преобладание твердого варианта поддерживается и практикой употребления других слов с -ре-: «прогресс» [-рэ-], «стресс» [-рэ-], «конгресс» [-рэ-], «рейтинг» [рэ-], где норма предусматривает мягкий вариант. Как безусловно ненормативный вариант можно встретить даже произнесение «берет» [-рэ-], «корректно» [-рэ-], «коррекция» [-рэ-]. Двойное произношение допустимо в словах «кредо» [-рэ-, -р'э-], «дедукция» [дэ-, д'и/э-], «террорист» [тэ-, т'и/э-]. Безусловно, твердость согласного перед «е» сохраняется в именах собственных: «Декарт» [дэ-], «Тетчер» [тэ-], «Вольтер» [тэ-], «Горез» [-рэ-] и др. Топонимы могут иметь в качестве рекомендации м'який вариант: «Техас» [т'и/э-], однако более широко употребляется «Т[э]хас».

Таким образом, процесс русификации протекает неравномерно и противоречиво, с трудно уловимой закономерностью. Мало помогает в установлении данных изменений и хронология, и отнесенность к разной сфере употребления. Например, часто более «свежие» заимствования быстрее переходят на русский вариант, чем старые; с другой стороны, бытовые слова могут стойко сохранять произношение источника, тогда как терминологические, книжные – переориентироваться на замену произносительной нормы. Все это создает причины неустойчивых и неоднозначных характеристик в словарях.

Фиксация вариантов в словарях меняется на протяжении нескольких десятков лет, что вряд ли может отражать объективное положение вещей. Интересно провести сопоставление данных современных словарей с данными словаря-справочника под редакцией Р.И. Аванесова и С.И. Ожегова (1959). В следующих словах словарь 1959 года дает произношение [дэ-]: «дефект», «дефективный», «дефектный», «дефиниция», «дефектология», «деформировать», «деформация». Во всех этих случаях современное произношение – с мягким согласным. Совпадение обнаружено в словах «дефис» (где даже есть помета в словаре 1959 года – [не дэ-], «дефицит» [д'ь-] и «дефилировать» [дэ-].

Интересно также отметить следующий факт: в большинстве подобных случаев орфография опережает произносительные нормы – в написании везде дается «е».

Видимо, поэтому в слове «м[э]тр» (учитель, наставник) в словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой (1995) фиксируется орфограмма «метр», вопреки произношению и тому факту, что «мэтр» (наставник), «метр» (единица измерения) и «метр» (термин в стихосложении) – разные слова. В словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой только в 1998 году появилось новое написание «мэтр» с фиксацией значений: 1) учитель, наставник; 2) деятель искусства или науки – почитаемый авторитет среди своих учеников, своего окружения. Таким образом, в данном случае произношение оказывается смысловоразличительным, и потому разная орфография не только желательна, но и необходима. В 1991 году написание «мэтр» (для двух значений – «учитель, наставник» и «достигший наивысшего мастерства в своей области») было узаконено в орфографических словарях. Орфографический словарь русского языка под редакцией В.В. Лопатина (1999) дает написание «мэтр».

Итак, произносительная вариантность «э» и «е» в современном языке в целом оказывается непоследовательной и противоречивой не только в массовом употреблении, но и в нормативных рекомендациях словарей. Указания «правильно» и «неправильно» бывают крайне субъективны и

исторически трудно объяснимы: новые заимствования могут быстро получить русскую смягченную огласовку, а старые, с вековой историей употребления слова, могут долго держаться в рамках «инострannого» варианта. И в таком случае предостережения и рекомендации словарей оказываются тщетными. Примером может, в частности, служить безрезультатная борьба с твердыми вариантами согласных в словах «шин[э]ль», «т[э]рмин» и «кр[э]м».

Для данного явления трудно рекомендовать строгие, единые правила, так как заимствование подобных слов растянуто во времени, сроки их жизни в русском языке различны, как и степень освоения русским языком. Часто слова мгновенно становятся общеупотребительными, но они не «успевают» вовремя попадать в словари, и норма складывается стихийно. Трудно объяснить подчас и рекомендации словарей. Например, словарь С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой (1995) рекомендует новое (новейшее) по употреблению слово «рейтинг» с [р'э-], а достаточно пожившее в языке слово «реквием» с [рэ-].

Н.С. Валгина (2003: 57) выделяет еще одну тенденцию в области произносительных норм – это нивелировка произношения в социальном плане, стирание особенностей территориального произношения и др. Объясняется это общими причинами – ростом общего образования, приближающего к единой литературной норме, а также влиянием средств массовой информации, особенно радио и телевидения.

В качестве примера этого процесса можно привести факт борьбы московского и петербургского произношения. Например, при общей тенденции к буквенному произношению московское произношение сохраняет формы, противоречащие орфографии в большей степени, нежели петербургское произношение. Н.С. Валгина (2003: 58) замечает, что, например, долгий [ш] на месте буквы «щ» можно встретить в словах «щука», «щи», «ящик», «щетка» (петербургское произношение [ш'ч'-] господствовало в XIX – начале XX века). За счет [ш'ч'-] постепенно распространилось произношение [ш'-]. Как отмечает П.А. Лекант (2001: 135), в настоящее время и в Москве, и в Санкт-Петербурге почти исключительно произносится долгий [ш'-]: «[ш']ука», «[ш']астье».

Нивелировка территориального плана затронула и произношение согласного [г]. Южнорусский и церковнославянский фрикативный звук [г], близкий к [х], заменен взрывным [г]. Фрикативный [г] фиксировался в словах типа «бога», «благо», «господи». По современной норме фрикативный [г] сохранился только в междометиях «ага», «ого», и в слове «бухгалтер». Допустимо произношение фрикативного [г] в междометиях «господи», «ей-богу». В слове «бог», как и раньше, произносится согласный [х].

Становление нормативного произношения и выявление тенденций в этом процессе тесно связано с оценкой фонетических и фонематических вариантов. Фонематическая вариантность особенно свойственна заимствованным словам, так как вариантность возникает именно благодаря разному «переводу» данных лексем в русскую орфографию (русское написание). И уже через орфографические варианты возникают варианты произносительные. Такие фонематически-орфографические варианты фиксируются в словарях как варианты нормы.

Прежде всего, вариантность, допускаемая нормой, характерна для собственных имен: «Осирис – Озирис» (бог плодородия), «Немезида – Немесида», «Дульцинея – Дульсинея», «Изида – Исида». То же в названиях титулов, обращений: «халиф – калиф», «махараджа – магараджа». Двойная орфография и соответственно разное произношение допускаются и во многих заимствованных словах других лексических пластов (лексика бытовая, профессиональная, культовая и др.): «свинг – суинг» (стиль джазовой музыки); «рамазан – рамадан» (месяц строгого поста у мусульман); «жига – джига» (струнный инструмент и парный танец); «орангутанг – орангутан»; «кирка – кирха» и многие другие. Вариантность допускается и в общеизвестных бытовых словах русского словаря: «камса – хамса», «изюбр – изюбрь» (Орфографический словарь под редакцией В.В. Лопатина, 1999).

По мере накопления статистических данных из жизни подобных вариантов возникает потребность признать один из вариантов в подобных парах в качестве единственного, литературного. Так случилось, например, с

вариантами «развалюха – развалюга»: в словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой до 1995 года устойчиво присутствовала эта пара, но в 1995 году был исключен вариант «развалюга». Нет его и в новом орфографическом словаре В.В. Лопатина (1999). Хотя в других случаях такого единства в оценках вариантов нет. Например, В.В. Лопатин (1999) дает вариантную пару «дискутировать – дискусировать», а С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова (1995 / 1998) исключают форму «дискусировать», хотя правомернее было бы именно ее и сохранить, так как все словесное окружение, данное в словаре, выводит именно на эту форму: «дискуссия», «дискуссионный», «дискуссионность» – что и соответствует латинскому “*discussio*” («рассмотрение», «исследование»).

К равноценным вариантам орфографические словари середины XX века относят многие термины, наименования экзотических реалий и др.: «акселерация – акцелерация», «кизиль – кизил», «планшир – планширь» и др. В 1999 году в орфографическом словаре под редакцией В.В. Лопатина исчез вариант «акцелерация»; при варианте «кизил» дана помета «устар.».

Как видно, современный русский язык, при очевидности общих тенденций, все-таки еще не пришел к окончательному выбору нормы, хотя в XVIII и XIX веках, как отмечает Н.С. Валгина (2003: 59), вариантов было еще больше.

Таким образом, фонематическая вариантность, отраженная в орфографии и воспроизведенная орфоэпически, обнаруживает тенденцию к убыванию, но не исчезла вовсе. Поддержанные в прошлом социально-стилистическими причинами, варианты утрачивают почву для своего существования, и происходит, хотя и медленно и не всегда последовательно, канонизация одного из произносительных вариантов. Для заимствованных лексем причиной ликвидации вариантности оказалась фонетическая адаптация, при которой наиболее адаптированный вариант становится победителем. Именно он, как правило, и закрепляется орфографией.

Например, часть сложных слов с «ауто-» (от греч. “*autos*” – сам) оказалась предпочтительнее фонетически адаптированного «авто-» в небольшом ряде

специальных терминов («аутогемотерапия», «аутогенная тренировка»), тогда как часть «авто-» получила широкое распространение при образовании слов с разными значениями: «автоматический» («автосцепка», «автопилот», «автооператор», «автоукладчик»); «самодвижущийся» («автодрезина», «автомобиль», «автокар», «авторулевой»); «свой» («автопортрет», «автограф», «автореферат»); «предназначенный для авто» («автобаза») и др.

При заимствовании слов с возможной разной огласовкой регулирующим и канонизирующим фактором становится, как правило, орфография (вернее, фиксация одного из возможных вариантов в словарях), например, «мохер», а не «могер» (от англ. “mohair”).

П.А. Лекант (2001: 135 – 137) выделяет следующие изменения в произношении согласных в современном русском литературном языке:

1. Раньше в русском языке для большинства согласных действовала закономерность: согласный, стоящий перед мягким согласным, должен быть тоже мягким – С’С’. Затем возникла тенденция к отвердению первого согласного: С’С’ > СС’. Эта закономерность в наше время захватывает все новые группы согласных. Так, [н’] перед [ш’] еще произносится по старым нормам: «сме[н’ш’]ик», «же[н’ш’]ина».

Другие согласные (например, губные перед мягкими заднеязычными) произносятся по новым нормам: «ля[мк’]и», «ла[фк’]и», «тря[пк’]и», «сё[мг’]е». У третьих (например, губных и зубных перед мягкими губными) равноправны оба варианта: «[в’б’]ить» и «[вб’]ить», «[д’в’]ерь» и «[дв’]ерь». Новая закономерность проникает и в сочетания зубных согласных. Так, обычно зубной перед мягким зубным – мягкий: «мо[с’т’]ик», «ле[с’н’]ик», «у[з’д’]ечка», «ба[н’т’]ик», «о[д’н’]и», «о[т’т’]януть», «по[д’д’]еть». Но по «младшей» норме в таких сочетаниях допустима и неполная мягкость и даже твердость первого согласного: «[ст’]ена», «[зд’]ешний», «о[тн’]имать», «опол[зн’]и». Произношение твердого [н] в этой позиции часто наблюдается в словах «вонзить», «консервы», «консилиум» и др.

Оба варианта равноправны перед [л']: «[з'л']ить» и «[зл']ить», «о[с'л']ик» и «о[сл']ик». Новая закономерность раньше проявляется при произношении редких слов, сочетаний на стыке морфем; старая дольше сохраняется в наиболее частотных словах; ср.: «ра[з'в']е – ра[зв']ит», «[в'м']есте – со[вм']естно – [в-м']есте встречи».

2. Долгий звук [ш'] в литературном языке может произноситься в соответствии с фонемой /ш'/ и сочетанием фонем /сч'/, /зч'/, а также /жч'/, /шч'/, /стч'/, /здч'/, /ж'/, например, в словах «щука», «расчёска», «извозчик», «перебежчик», «веснушчатый», «жёстче», «бороздчатый», «дождь». Наряду с долгим [ш'-] произносится и [ш'ч'-]. Соотношение этих вариантов неодинаково в разных позициях и в разные эпохи.

Употребление [-ш'ч'-] или долгого [-ш'-] на стыке морфем зависит от темпа речи, степени употребительности слова, силы сцепления морфем. Там, где при обычном темпе речи произносится [-ш'ч'-], при убыстренном темпе – долгий [-ш'-]. В редких словах обычно употребляется [-ш'ч'-]. Чем чаще слово или предложно-именное сочетание встречается в речи, тем чаще в нем произносится долгий [-ш'-]: «бе[ш'ч']ерепные – ра[ш']есать, с чем [ш'эм]». Сила сцепления корня и суффикса велика, поэтому здесь господствует [-ш'-]: «возчик», «разносчик». На стыке приставки и корня сила сцепления слабее, еще слабее она на стыке предлога и знаменательного слова, поэтому здесь чаще произносится [-ш'ч'-]: «бесчисленный», «из чайника».

3. Произношение долгого [ж'] встречается всего в нескольких словах (всегда в корне): «дрожжи», «брызжет», «визжать», «дребезжать», «размозжить», «брюзжать», «вожжи», «езжу», «жжёт», «позже», «брезжить», «сожжённый», «взгромозжу», «жужжать», «дожди», «дождик». Однако мягкий согласный [ж'] в этих словах вытесняется твердым [ж], а в словах «дожди» и «дождик» – сочетанием [-жд'-]. У многих говорящих на литературном языке отсутствует в фонетической системе /ж'/; в соответствии с ней в указанных словах выступает долгий твердый [ж]: [дрожы].

4. В сочетаниях трех согласных фонем с /т/, /д/ между зубными или между зубной согласной и /к/ по традиционным нормам [т], [д] не должны произноситься. Но в часто сочетаний в некоторых словах возникает и произношение [т], [д]:

1) /зdn/ (и соответствующие мягкие согласные): «по[зн]о», «пра[з'н']ик», но «бе[зн]а» и «бе[зdn]а», «звё[зн]ый» и «звё[зdn]ый»;

2) /стл/: без [т] произносятся слова «счастливый», «завистливый», «совестливый», «участливый» и др.; в словах «костлявый», «постлатъ» обычно произносится [т];

3) /нтс/, /ндс/ перед согласной – обычно произношение без [т]: «гигантский», «декадентский», «комендантский», «агентство», «регентство», «голландский», «ирландский»; реже смычный согласный на месте таких /т/, /д/ сохраняется: «декаден[ц]ский», «голлан[ц]ский»;

4) /нтк/, /ндк/ – допустимо произношение без [т]: «голландка» (печь), «шотландка» (ткань), но [т] произносится в словах «гувернантка», «официантка», «студентка», «голландка» (жительница Голландии), «шотландка» (жительница Шотландии);

5) /стк/, /зdk/: по старым нормам, сохраняющимся в разговорной речи, в таких словах, как «бороздка», «громоздкий», «жёстко», «невестка», «поездка», [т] не произносится, однако в настоящее время чаще отмечается произношение [т].

5. В XIX и в начале XX века было широко распространено произношение прилагательных на -кий, -гий, -хий и глаголов на -кивать, -гивать, -хивать с твердыми [к], [г], [х]: «мел[кь]й», «стро[гь]й», «ти[хь]й»; «посту[кь]вать», «вздра[гь]вать», «разма[хь]вать». Сейчас господствует произношение с мягкими согласными [к'], [г'], [х']: «мел[к'и]й», «стро[г'и]й», «ти[х'и]й»; «посту[к'и]вать», «вздра[г'и]вать», «разма[х'и]вать».

6. В XIX – начале XX века обычным было произношение возвратных форм глагола с твердым [с]: «бери[с]», «бою[с]», «мыл[сь]». И только в деепричастиях с ударением на последнем слоге обязательным было [с']:

«беря[с’]», «боя[с’]», «стуча[с’]». Сейчас наряду с [с] произносится и [с’], причем после [с] чаще встречается твердый [с]: «нё[с’]» («нёсся»), «тря[с’]» («трясся»), «разле[с’]» («разлезся»); после [л] равноправны [с] и [с’]: «мыл[с’]» и «мыл[с’ь]». В других случаях обычно употребляется мягкий [с’]: «бери[с’]», «оставая[с’]», «бой[с’ь]», «остань[с’ь]».

7. В заимствованных словах внутри морфемы в соответствии с написанием двух одинаковых согласных может произноситься и долгий, и краткий согласный.

Так, долгий согласный произносится в словах «ассонанс», «брутто», «ванна», «вассал», «касса», «мадонна», «манна», «масса», «массовка», «сумма», «тонна» и др. Краткий согласный (встречающийся гораздо чаще, чем долгий) произносится в словах «аппендицит», «аттестат», «аттракцион», «баллон», «бассейн», «грамматика», «дрессировка», «иллюзия», «иллюминация», «каллиграфия», «коллектив», «миллиметр», «оккупация», «параллель», «перрон», «режиссёр», «симметрия», «стеллаж», «теннис», «территория», «троллейбус», «эссенция», «эффект» и др.

В орфоэпическом словаре Т.Ф. Ивановой (2007) отмечаются также следующие изменения в области произношения согласных:

1. В словах «брошюра», «парашют», «жюри» буква «ю» пишется по традиции и не обозначает мягкости предшествующего согласного. Произношение [ш’], [ж’] в этих словах считается допустимым, но уже устаревающим.

2. Сочетания -шш-, -зш-, -зж-, -сж- на стыке морфем или предлога и следующего слова произносятся как долгие [ш], [ж]: «бесшумный», «сжёт», «без жалости».

Однако в последнее время наметилась тенденция к произнесению этих сочетаний в соответствии с написанием: «ра[сш]уметься», «ра[сш]ить», «во[сш]ество», «ра[сш]атать», «и[з-ж]изни», «наивы[сш]ий», «нави[сш]ий», «возро[сш]ий / возро[сш]и», «выро[сш]ий / выро[сш]и». Сочетание -сщ-

устойчиво произносится как долгий мягкий [ш’]: «расщелина», «расщёлкать», «расщепить», «расщедриться».

Приведенные особенности русского литературного произношения выявляются при умеренно четкой артикуляции и среднем темпе устной речи. Только в устной речи реализуется такой важный для хорошей правильной речи признак как орфоэпическая грамотность.

Язык, которым активно и повседневно пользуется общество как средством общения, живет и развивается. Диахронно это обнаруживается через замену одних языковых знаков другими, синхронно – через борьбу вариантов, сосуществующих и претендующих на нормативность. Жизнь языка осуществляется в обществе, которое создает условия для тех или иных изменений и стимулирует языковые процессы, приводящие к удовлетворению потребностей общества.

Литература

1. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие для студентов вузов. – М.: Логос, 2003. – 304 с.
2. Дудников А.В. Современный русский язык: Учеб. для филол. спец. вузов союзных и авт. респ. – М.: Высшая школа, 1990. – 424 с.
3. Иванова Т.Ф. Новый орфоэпический словарь русского языка (произношение, ударение, грамматические формы) / Под ред. В.В. Бурцевой. – 2-ое изд. – М., 2007.
4. Лекант П.А., Гольцова Н.Г., Жуков В.П. и др. Современный русский литературный язык / Под ред. П.А. Леканта. – 5-е изд., стер. – М.: Высшая школа, 2001. – 462 с.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1995.
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1998.
7. Орфографический словарь русского языка / Под ред. В.В. Лопатина. – М., 1999.

8. Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы / Под ред. Р.И. Аванесова. – М., 1989.
9. Русское литературное произношение и ударение: Словарь-справочник / Под ред. Р.И. Аванесова и С.И. Ожегова. – М., 1959.
10. Словарь иностранных слов и выражений / Составитель Е.С. Зенович. – М., 1998.
11. Хорошая речь / Под ред. М.А. Кормилицыной и О.Б. Сиротининой. – 2-ое изд., испр. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 320 с.

М.А. Голованова,

старший преподаватель кафедры педагогики и психологии профессионального
обучения Пензенского государственного университета

Проблемы вариантности орфоэпических норм русского языка

Состояние современного русского языка в произносительном отношении с очевидностью свидетельствует о живых процессах, приводящих в движение всю орфоэпическую систему, представляющую совокупность норм литературного языка, связанных со звуковым оформлением значимых единиц (частей слов, слов, предложений). Все единицы языка вариативны. Представление о разных способах выражения какой-либо языковой сущности как о её разновидности или как об отклонении от некоторой нормы и называется вариантностью. В решении вопросов орфоэпической вариантности и нормативности существуют некоторые разногласия, которые иногда и являются причиной появления вариантов. В данной статье предлагается рассмотреть самые распространенные проблемы, связанные с вариантностью (вариативностью) произносительных норм.

Причины изменения в произношении или проявления вариантности коренятся в действии внутренних законов языка, в частности, в сохранении традиций, в соблюдении аналогий и т. д. Наряду с этим прослеживается и

влияние социальных факторов, например, борьба московского и петербургского произношения во второй половине XIX века. Вторая половина XX века ознаменовалась другой социальной причиной – влиянием печатного слова. Именно в связи с увеличением объёма чтения печатных текстов активизировалось зрительное восприятие графического облика слова. Усиление «буквенного» («графического») произношения стало одной из наиболее сильных тенденций в современном русском языке.

В создавшихся условиях можно выделить первую проблему: изменение соотношения вариантов слов с буквами е – ё. Это фонематическое, т. е. находящее отражение и в орфографии, варьирование связано с тем, что в практике русского печатного письма буква ё стала заменяться буквой е. Здесь написание подчинило себе произношение: блёкнуть – блекнуть; белёсый – белесый; акушёр – акушер. В подобных случаях до сих пор еще сохраняется вариантность, причем указания на этот счет в словарях противоречивы: в одних случаях литературным признается вариант с [ё], в других – с [е]; даются даже запретительные пометы – блеф [не лё], помпезность [не пё] и т. д. Такие разночтения касаются слов жёлчь – желчь; манёвр – маневр; блёклый – блеклый и др. Например, в Словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой дается только форма белёсый, а в Большом Академическом Словаре в качестве нормативного даются оба варианта. Воздействие орфографии особенно хорошо просматривается в тех случаях, когда новый вариант поддерживается словообразовательно: желчь (вместо жёлчь), так как есть термины, где спорный звук (буква) находится не под ударением – желчегонный.

В настоящее время проблемной является и вариативность в произношении иноязычных слов со звуком [э] в разных позициях – ударных (ректор) и безударных (декан). Русификация подобных слов заключается в замене твердого согласного перед [э] на смягченный, орфографически это обозначается [е]. Неграмотным сегодня считается произношение [рэктор], [пионэр]. В безударной позиции (декан – [д'экан]) произношение звука [э] после смягченного согласного качественно меняет звук «э» и делает его

близким к «и» [эи]. Иноязычных слов с указанным звуком в современном русском языке очень много, грамматически они давно освоены русским языком: многие из них склоняются. Однако исконное произношение часто сохраняется. Особенно это характерно для терминологической лексики: артерия [тэ], интеграл [тэ], детектор [дэтэ], де-юре [дэ, рэ], де-факто [дэ], дешифровать [дэ], децентрализовать [дэ], дефиле [дэ], детерминизм [дэтэ], детектив [дэтэ], диатез [тэ], тент [тэ], тенденция [тэ, дэ], фонема [нэ] и многие другие. Наряду с этим другие специальные слова подверглись освоению мягкого произношения: детонатор, детонация, дефиниция, дефектолог, дефектология, дефис, дефицит, темп, терминал, термин, термит, термометр, теория и другие. Необходимо отметить, что отношение к становлению нового произношения заимствований с [э] было поэтапным. В середине XX в. на этот счет еще требовались указания даже в таких словах, как текст, текстолог, тембр, тенор, тент. В Словаре-справочнике 1959 г. есть пометы: текст [не тэ], тема [не тэ], текстолог [не тэ], тенор [не тэ]. Стойко сохраняют [э] слова тембр [тэ], тенденция [тэ и дэ], тент [тэ] (сравнение проведено по словарям 1959 г., 1998 г. и 2007 г.) При этом слово темп подверглось фонетическому изменению: словарь 1959 г. – темп [тэ], словарь 1998 г. – темп [т'э]. То же произошло и с другими словами: словарь 1959 г. – демонтаж [дэ], деморализация [дэ], депрессия [дэ, не рэ]; словарь 1998 г. во всех этих словах дает [де]. Следовательно, процесс определения твердого или мягкого произношения согласных в иноязычных словах со звуком [э] идет неровно, унификации не произошло даже в конце XX века. Причем мягкий и твердый варианты сосуществуют в однотипных группах слов. Например, в словах с компонентом пресс закрепилось мягкое произнесение в следующих случаях: пресса [ре], компресс [ре], пресс-конференция [ре]. В словах репрессии, экспресс наряду с мягким вариантом допускается твердый (в слове репрессии во втором слоге). Вопреки указаниям словарей, в массовом употреблении предпочтительным оказывается твердый вариант в таких словах, как прогресс [рэ], стресс [рэ], конгресс [рэ], рейтинг [рэ] и даже в словах корректно [рэ], коррекция [рэ] и

других. Сочетание с [э] сохраняется, безусловно, в иноязычных собственных именах: Декарт [дэ], Тетчер [тэ], Вольтер [тэ], Торез [рэ] и др. Таким образом, произносительная вариантность «э» и «е» в современном русском языке в целом оказывается непоследовательной и противоречивой не только в массовом употреблении, но и в нормативных рекомендациях словарей. Указания «правильно» и «неправильно» бывают крайне субъективны и исторически трудно объяснимы. Новые заимствования могут быстро получить присущее русскому языку смягчение, а старые, с вековой историей употребления слова, долго держаться в рамках «инострannого» варианта. Например, Словарь С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой (1995) рекомендует новое по употреблению слово рейтинг с [е], а достаточно пожившее в языке слово реквиem с [э]. Интересно отметить и следующий факт: в большинстве случаев с [э] и [е] орфография опережает произносительные нормы, т.к. в написании везде дается [е]. Видимо, по этой причине в слове мэтр (учитель, наставник) фиксируется орфограмма метр (Словарь С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой, 1995), вопреки произношению и тому факту, что мэтр (наставник), и метр (единица измерения), и метр (термин в стихосложении) – разные слова. В Словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой только в 1998 г. появилось новое написание мэтр с фиксацией значений: 1) учитель, наставник; 2) деятель искусства или науки – почитаемый авторитет среди своих учеников, своего окружения. Следовательно, произношение помогает различать смысл и потому разная орфография необходима. В 1991 г. написание мэтр (для двух значений – «учитель, наставник» и «достигший наивысшего мастерства в своей области») было узаконено в Орфографическом словаре; Орфографический словарь русского языка, под ред. В.В. Лопатина (1999 г.) дает написание мэтр. Рекомендовать для данного явления строгие единые правила не представляется возможным. Заимствование подобных слов растянуто во времени, сроки их жизни в русском языке различны, как и степень освоения русским языком. Нередко подобные слова мгновенно становятся общеупотребительными и норма складывается стихийно. В таком случае предостережения и

рекомендации словарей оказываются тщетными. В частности, стоит обратить внимание на безрезультатную борьбу с твердым вариантом в словах шин[э]ль, т[э]рмин, кр[э]м. В городе Пензе к словам шин[э]ль и т[э]рмин можно также добавить нарушение произношения согласных в словах Од[э]сса, пашт[э]т и некоторых других.

В качестве следующей проблемы необходимо выделить колебания форм произношения сочетаний согласных [чн] и [шн], [чт] и [шт]. Нормой закреплено произношение [шн], [шт] на месте орфографического [чн], [чт]: ску[шн]о, [шт]о, коне[шн]о и др. При этом в словах скворечник, булочная и др.

старомосковское произношение [шн] становится всё меньше востребованным и сливается с орфографией. Есть случаи, когда орфография подчеркивает произношение: городошник, двурушник, киношник. Таких написаний в середине и конце XVIII в. было значительно больше: галстушный, колпашный, фабришный, кожешный, лавошник и др. Подобные орфографические (и особенно произносительные) колебания были и в XIX в., и в начале XX в.

Становление нормативного произношения и выявление тенденций в следующем проблемном процессе тесно связано с оценкой фонетических и фонематических вариантов. Фонематическая вариантность особенно свойственна заимствованным словам. Это объясняется тем, что вариантность возникает по причине разного написания данных лексем в соответствии с русской орфографией. И уже через орфографические разночтения возникают варианты произносительные. Они и фиксируются в словарях как варианты нормы. По мере накопления статистических данных из жизни подобных явлений возникает потребность признать один из вариантов литературным. Так случилось, например, со словами развалюха – развалюга. В Словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой устойчиво присутствовала эта пара, но в 1995 г. вариант развалюга был исключен. Нет его и в орфографическом словаре В.В. Лопатина, 1999 года. В других случаях такого единства в оценках вариантов нет. Например, В.В. Лопатин дает вариантную пару дискутировать –

дискуссировать, а в словаре С.И. Ожегова исключается форма дискуссировать, хотя правомернее было бы сохранить именно ее, так как все однокоренные слова имеют именно такую форму: дискуссия, дискуссионный, дискуссионность, что и соответствует лат. *discussio* (рассмотрение, исследование).

Вызывает интерес и вариативность некоторых иноязычных наименований. Орфографический словарь 1974 г. относил к равноценным вариантам такие слова, как акселерация и акцелерация; каприччио и каприччо; кизиль и кизил; нотабена и нотабене; планшир и планширь; боржом и боржомии; тоннель и туннель; фортепяно и фортепиано и др. В Русском орфографическом словаре под ред. В.В. Лопатина, 1999г. исчез вариант акцелерация, при варианте кизил дана помета «устар.»; все остальные варианты сохранены. Литературной традицией стойко охраняются варианты боржом и боржомии; фортепяно и фортепиано; валерьяна, валерьянка и валериана. Однако параллельное употребление форм в конце концов привело к стилистическому размежеванию: фортепиано, диакон, бриллиант, валериана получили оттенок книжности, а фортепяно, дьякон, брильянт, валерьянка сохранили стилистическую нейтральность. Таким образом, фонематическая вариантность, отраженная в орфографии и воспроизведенная орфоэпически, обнаруживает тенденцию к убыванию, но не исчезла вовсе. Поддержанные в прошлом социально-стилистическими причинами варианты утрачивают основу для своего существования, и происходит, хотя медленно и не всегда последовательно, закрепление одного из произносительных вариантов. Для заимствованных лексем причиной ликвидации вариантности оказалась фонетическая адаптация, при которой наиболее адаптированный вариант становился победителем. Именно он, как правило, и закрепляется орфографией. Например, часть сложных слов с корнем ауто- (от греч. *autos* - сам) оказалась предпочтительнее фонетически адаптированного корня авто-. Часть авто- получила широкое распространение при образовании слов с разными значениями: «автоматический» (автосцепка, автопилот, автооператор,

автоукладчик); «самодвижущийся» (автодрезина, автомобиль, автокар, авторулевой); «свой», «само» (автопортрет, автограф, автолитография, автореферат); «предназначенный для авто» (автобаза) и др. Корень ауто- употребляется лишь в ряде специальных терминов: аутогемотерапия, аутогенная тренировка.

Акцентологическая вариативность – следующая проблема, и она требует особого внимания. Акцентология (от лат. *accentus* – ударение, акцент и греч. *logos* – слово, учение) изучает не только систему акцентных средств, но и связанные с этими средствами явления языка. Акцентологическая вариативность – одно из таких явлений.

Ударение – один из важнейших элементов устной речи. Русскому языку свойственно динамическое, или силовое, ударение, при котором ударяемый слог выделяется большей произносительной силой. Этот достаточно распространенный тип ударения свойствен также английскому, французскому, польскому, венгерскому и другим языкам. Однако он обычно не выступает в чистом виде. Словесное ударение чаще обладает несколькими признаками одновременно. Русское ударение, являясь в основном динамическим, предполагает вместе с тем бóльшую длительность гласного в ударяемом слоге. В русском языке ударение свободное: оно не закреплено за каким-то определенным слогом или за какой-то определенной частью слова, например, за основой или окончанием. Оно может падать на любой слог слова, может перемещаться в пределах одного и того же слова при изменении форм: нача́ть, нача́л, нача́ла. В русском языке ударение может служить средством различения слов (бронíровать – бронировáть, ха́ос – хао́с, рефлэ́кторный – рефлектóрный) и грамматических форм (струны́ – стру́ны, стекла́ – стéкла, воды́ – во́ды). Ударными могут оказаться разные морфологические части слова: бро́ сить – корень, броса́ть – суффикс, вь́ бросить – приставка; лист – корень, листó к – суффикс, листа́, листу́, листóм – окончание.

Именно разноместность ударения в русском языке является причиной того, что в речевой практике могут параллельно существовать два и более

акцентных варианта. Они различаются между собой или в лексическом, или в грамматическом, или в стилистическом отношении. Если говорить о лексическом различии, то приходится иметь в виду семантику слов, то есть появление самостоятельных значений с изменением места ударения в слове. Сравним такие слова, как харáктерный (упрямый) и характёрный (с резко выраженными особенностями, чертами), безóбразный (не заключающий в себе художественных образов) и безобráзный (крайне некрасивый). Разница в ударении делает эти слова разными словами с самостоятельным значением. Следовательно, говорящему необходимо точно знать место ударения в слове.

Разноместность ударения является также важным средством различения грамматических форм. Иногда это формы одного и того же слова, например, струны́ – родительный падеж единственного числа слова струна́ и стру́ны – именительный падеж множественного числа этого слова. Глаголы насыпа́ть и насы́пать, разреза́ть и разрéзать, рассыпа́ть и рассы́пать различаются по видовой принадлежности: первые – глаголы несовершенного вида, вторые – глаголы совершенного вида. В других случаях это формы двух слов, например, па́ ли – прошедшее время глагола пасть и пали́ – повелительное наклонение глагола пали́ть, мо́ю – 1-е лицо единственного числа настоящего времени глагола мыть и мою́ – притяжательное местоимение моя́ в винительном падеже.

Иногда сосуществующие акцентные варианты не различаются ни в лексическом, ни в грамматическом отношении. Тогда один из вариантов признают соответствующим норме, а другой отвергают как диалектный, просторечный, профессиональный, архаичный и т.д. Глагольные формы с ударением на первом слоге: да́ришь, ве́ртишь – литературные, с ударением на втором: дарíшь, вертíшь – устаревшие. Формы страдательных причастий прошедшего времени избранный, изгнанный, по́пранный, со́тканный, вéнчанный употребляются сейчас, а формы избрáнный, изгнáнный, попрáнный, соткáнный, венчáнный вышли из широкого употребления и могут быть использованы лишь с определенной стилистической целью. Иную стилистическую окраску имеют такие слова, как мо́лодец, де́вица, се́ребро,

шелко́вый. Их фольклорное происхождение служит причиной присущего им особого народно-поэтического колорита. Соответствующие им слова литературного языка молодё́ц, деви́ца, серебро́, шёлковый являются стилистически нейтральными. Наряду с литературными портфе́ль, доце́нт, медикаме́нты, хозя́ева, сре́дства, све́кла, краси́вее, звони́шь существуют просторечные варианты по́ртфель, до́цент, медика́менты, хозя́ева́, средства́, свекла́, краси́вее, звони́шь. Литературные варианты за́суха, про́сека, положи́л, облеги́л, нача́л, бра́ла, взяла́ в некоторых местностях имеют диалектные формы засу́ха, просе́ка, поло́жил, обле́гчил, нача́л, бра́ла, взяла. Примерами профессиональных вариантов являются слова до́быча, компа́с, руди́к, кило́метр, санти́метр, деци́метр, рапо́рт, ато́мный, астро́ном, тогда как литературная норма требует иного ударения в этих словах: добы́ча, ко́мпас, руди́к, киломе́тр, сантиме́тр, дециме́тр, рапо́рт, ато́мный, астроно́м.

Таким образом, колебание ударения во многих случаях – это не только следствие орфоэпической безграмотности. Грамматически однородные слова не имеют общих законов движения ударения, а это часто вызывает затруднения. Наличие вариативности может свидетельствовать либо о противоречиях во внутренней системе литературного языка, либо о воздействии внешних факторов. При этом необходимо помнить, что слово опознается по постановке ударения и изменение ударения затруднит понимание смысла слова.

Вариантность является фундаментальным свойством языковой системы и функционирования всех единиц языка. Процесс выбора варианта для литературной нормы в русском языке, как видим, протекает неравномерно и противоречиво, с трудно уловимой закономерностью. Мало помогает в установлении данных изменений и хронология, и отнесенность к разной сфере употребления, и процесс адаптации заимствованных слов. В подобной ситуации стоит прислушаться к мнению швейцарского ученого Анри Фрея, который в 1929 году писал в составленной им «Грамматике ошибок» о том, что многие ошибки закономерны и подсказываются аналогией или другими

системными проявлениями живого языка. Следовательно, к выбору вариантов в спорных случаях нужен сознательный и осторожный подход.

Литература

1. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке.
2. Вольвак Н.П. Активные процессы в области современного ударения.
3. Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма. Л., 1978.
4. Зарва М.В. Акцентология.
5. Колесов В.В. История русского ударения.
6. Куликова Э. Норма ударения и смещения акцентов в русском языке.
7. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, издания, 2005.
8. Русский орфографический словарь / Российская академия наук. В. В. Лопатин (отв. ред.), — 2-е изд., испр. и доп. — Москва, 2004.

Е.М. Хакимова,

кандидат филологических наук доцент кафедры массовой коммуникации,
ФГБОУ ВПО «ЮУрГУ», г. Челябинск

Нормы современной русской сегментной орфоэпии: аспекты осмысления в российской лингвистике

В данной статье речь пойдет о языковых нормах, регламентирующих употребление сегментных фонетических единиц – звуков и их сочетаний. Осмысливая онтологические основания данного орфоэпического типа, следует выделить несколько позиций, отражающих аспекты его рассмотрения в современной лингвистической литературе.

1. Природа норм на фонетическом уровне языковой системы. Исследователи [5, 9, 13] отмечают, что орфоэпические феномены, определяющие произношение звуков и их комбинаций, в сущности, имеют различное происхождение. Некоторые из них диктуются фонологической

системой языка и закономерностями ее реализации в речи. Они невариативны, поскольку иное произношение выводит говорящего за рамки данной фонологической системы, а это может привести или к полному разрушению взаимопонимания (например, в русском языке неразличение твердых – мягких согласных: *мел / мель*), или к нарушению внутренних связей и отношений элементов фонологической системы (различение глухих и звонких в любой фонологической позиции, в том числе в конце слова: *лук / луг*). По мнению В.В. Иванова [13], нормы этого типа имеют объективный характер. В терминологии В.А. Ицковича [4] их можно квалифицировать как нормы системы. Девиации, связанные с нарушением объективных норм, являются следствием интерференции разных языковых систем. Так, представленное в речи современной молодежи ненормативное употребление звонких шумных на конце лексем *имидж, блог, смог* и др. [7] обусловлено влиянием английской фонетики.

В других случаях фонологическая система имеет не одну, а несколько возможностей реализации, то есть варианты произношения: *ж[э]лчь / ж[о]лчь, клар[н']ет / клар[н]ет, московский[и]й / московск[ъ]й* и т. п. В таких условиях одна возможность признается языковым коллективом нормативной, а другая или оценивается как вариант литературной нормы, или выводится за ее пределы. Нормы второго типа В.В. Иванов называет субъективными на том основании, что они в какой-то мере зависят от воли говорящих. Указанные ортологические феномены не так стабильны, как объективные нормы. Воспользовавшись термином В.А. Ицковича, можно назвать их нормами структуры. Нерегулярность делает данные образования неустойчивыми звеньями ортологической системы и затрудняет их освоение носителями языка. Субъективные нормы, освященные традицией, но проницаемые для фонетических новообразований, более, чем объективные, нуждаются в закреплении, поэтому именно они прежде всего находят отражение в учебных пособиях по культуре русской речи.

2. Орфоэпическая парадигма. Назначение сегментной орфоэпии состоит в ортологической квалификации произносительных вариантов слова, представленных в речевом узусе носителей языка. В ряде случаев орфоэпическая парадигма, помимо нормативных вариантов, включает в свой состав единицы, функционирующие за пределами зоны литературного произношения: *бю[з]га[л't]ер*, *бю[з]га[л't]ер*, **бю[ст]га[л't]ер*, **бю[ст]-га[л't]ер*, **бю[з]га[лт]ер*, **бю[з]га[лт]ер*, **бю[ст]га[лт]ер*, **бю[ст]га[лт]ер*. И.А. Вещикова [3] указывает, что в теории не все российские лингвисты признают правомерность анализа девиантных употреблений в рамках орфоэпии, декларируя соотнесенность последней только с кодифицированной формой национального языка (в этой связи автор ссылается на исследования М.Л. Каленчук). Однако на практике – в орфоэпических словарях, ортологических справочниках, различных руководствах по драматическому искусству – ненормативным произносительным вариантам традиционно уделяется самое серьезное внимание в полном соответствии с задачами прикладного аспекта орфоэпии.

3. Условия орфоэпического варьирования. Данная проблема стала предметом специального изучения в работах Л.Л. Касаткина, М.Л. Каленчук и их последователей. В концепции Л.Л. Касаткина [6] базовым является понятие орфоэпической позиции, под которой понимается фактор, обуславливающий определенный вариант произношения. Исследователем разработана детальная типология орфоэпических позиций, в основе которой лежит их дифференциация на три группы:

- собственно фонетические позиции, связанные с качеством варьирующихся или соседних звуков (возможность мягких и твердых согласных перед [л']: *о[с'л']ук* / доп. *о[сл']ук*), положением по отношению к ударению (допустимость мягкого варианта в предударной позиции при его невозможности после ударения: *а[n]тека* / доп. *а[n']тека*, но только *о[n]тика*), длиной слова (в длинных словах звуки более подвержены редукции, чем в коротких) и т. д.;

- другие лингвистические позиции: фонологические (нормативность произносительных вариантов *радо[с'н']ее* / доп. *радо[сн']ее*, обусловленная реализацией фонемы /т'/ нулем звука); графико-орфографические (варьирование фонем, обозначенных на письме одной буквой: *сооб[ш']ник* и *помо[ш']ник*); лексические (отсутствие ассимиляции по мягкости в малочастотных словах: *ко[р]сет*, ср. с высокочастотными: *ко[р]зина* / доп. *ко[р']зина*); морфематические (*тон[к'и]й* / *тон[кѣ]й*); морфологические (прилагательное *праздн[у]ю* / *праздн[э]ю* и глагол *праздн[у]ю*); словообразовательные (редукция гласного в сложных словах со второй связанной основой: *с[э]модержавие*, ср. *с[а]моирония*); стилистические (полные произносительные формы и компрессивы: *лично[с'т']* / *лично[с']*);
- экстралингвистические позиции: генерационные, социальные, гендерные, территориальные.

М.Л. Каленчук [5] также учитывает вышеперечисленные факторы, но при описании детерминант современной русской произносительной системы предлагает другое терминологическое решение. Во-первых, в число орфоэпических позиций автор включает только морфемную прикрепленность, линейно-сегментные и суперсегментные условия (сандхиальный фактор, расположение по отношению к ударному слогу, темп речи, фразовая позиция и т. д.); совершенно очевидно, что при таком подходе содержание понятия орфоэпической позиции существенно ограничивается по сравнению с версией Л.Л. Касаткина. Компенсация отмеченного ограничения осуществляется посредством выделения орфоэпических подсистем – социолингвистических и собственно языковых. Социолингвистические подсистемы представлены рядом разновидностей: хронологическими («старшая», «средняя», «младшая»); территориальными (южнорусская и севернорусская, московская и петербургская); гендерными, стилистическими. Среди собственно языковых орфоэпических подсистем названы заимствованные и служебные слова, междометия, аббревиатуры, термины.

Следует отметить, что указанные орфоэпические подсистемы стали предметом активного изучения в ряде современных диссертационных исследований [1, 11, 12 и др.]. Принципиальна открытость приведенного списка, предполагающая возможность включения в него других актуальных для орфоэпии объектов, например мужских и женских отчеств, специфика произношения которых исследована в работе И.А. Вещиковой [3]. Перспективность данного направления бесспорна, поскольку предложенная модель адекватно отражает неоднородность русской произносительной системы, позволяя выявить и обстоятельно описать особенности организации ее фрагментов, осмыслив вместе с тем онтологические основания комплексного целого.

4. Эвфоническая составляющая произносительной нормы.

Необходимость выделения указанного аспекта обосновывается, прежде всего, в работах ученых петербургской школы. В частности, Л.А. Вербицкая [2] указывает на целесообразность разграничения орфоэпии, определяющей нормативный фонемный состав слова, и орфофонии, регламентирующей реализацию фонемных аллофонов. Выявляя особенности орфофонических феноменов, исследователи отмечают несколько моментов:

1) их менее отчетливую осознанность по сравнению с нормами собственно орфоэпическими и, как следствие, некодифицированность. Указанная характеристика создает определенные сложности для носителей языка при овладении соответствующими произносительными навыками;

2) реализацию на материале всего словаря, а не отдельных лексических групп или слов, что возможно для орфоэпии;

3) достаточно высокую степень независимости, о которой свидетельствует возможность нарушения требований орфофонии при соблюдении предписаний орфоэпии, и наоборот. Таким орфофоническим нарушением следует признать, например, назализацию, выявленную Е.В. Щигель [14] в современной телевизионной речи разных жанров. Назализация

квалифицируется автором как просторечная фонация, противоречащая традициям образцового литературного произношения.

Значимость орфофонического аспекта для современной ортологии обусловлена тем, что бытие произносительной нормы обеспечивается единством орфоэпии и орфофоники, причем именно с последней связано большинство динамических процессов, затрагиваемый ортологический тип.

5. Отношение к орфоэпической традиции. Анализ лингвистической литературы позволяет сделать вывод об отсутствии единства в решении данного вопроса. Первая позиция, обозначенная в работе С.К. Пожарицкой [10], состоит в следующем: «следование традиции, ретроспекция, направленная на то, чтобы препятствовать инновациям, не должны иметь место при определении рекомендуемых произносительных вариантов», поскольку орфоэпия, в отличие от орфографии, обеспечивающей коммуникацию поколений, «обслуживает только современников». Приведенная теоретическая посылка оказывает непосредственное влияние на определение оптимального принципа орфоэпической кодификации. По мнению автора, основной задачей специалистов является своевременное признание новых произносительных вариантов, получивших широкое распространение в речевом узусе, причем «в этом случае лучше „забежать вперед“, чем опоздать».

Альтернативная точка зрения не столь радикальна: принимая тезис о том, что орфоэпическая кодификация должна учитывать актуальные произносительные варианты, лингвисты [7, 8] вместе с тем указывают на необходимость разумной ретроспекции. Доказывая состоятельность такого решения, авторы обращаются к суждениям авторитетных ученых: например, В. Новиков ссылается на мнение М.В. Панова, отдававшего предпочтение традиционной орфоэпической реализации слова *[ж'у]ри*. Кроме того, правомерность консервативной тенденции в области орфоэпии обосновывается через обращение к эстетической сфере: исследователи совершенно справедливо указывают, что ускорение динамических процессов в русской

произносительной системе может оказать разрушительное воздействие на восприятие классической поэзии. Важно, что перспектива утраты культурного наследия связывается с кардинальными изменениями не только сегментной орфоэпии, но и других ортологических подсистем, например акцентологии.

Таким образом, результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что в современной русистике сегментная орфоэпия представлена как многоаспектная ортологическая область. Языковые нормы, регламентирующие употребление звуков и их сочетаний, рассматриваются с двух позиций – системоцентрической (1, 2, 3-й аспекты) и антропоцентрической (4 и 5-й аспекты). Указанные подходы дополняют друг друга, позволяя лингвистам получить целостное представление о закономерностях, определяющих особенности изучаемого ортологического типа.

Литература

1. Антонова О.В. Система старомосковского произношения и ее рефлексии в современной звучащей речи: автореферат дис. ... к. филол. наук / О.В. Антонова. – М., 2008. – 33 с.
2. Вербицкая Л.А. Давайте говорить правильно / Л.А. Вербицкая. – М.: Высш. шк., 2001. – 239 с.
3. Вещикова И.А. Орфоэпия. Основы теории и прикладные аспекты / И.А. Вещикова. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 311 с.
4. Ицкович В.А. Языковая норма / В.А. Ицкович. – М.: Просвещение, 1968. – 93 с.
5. Каленчук М.Л. Орфоэпическая система современного русского литературного языка: дис. ... д-ра филол. наук / М.Л. Каленчук. – М., 1993. – 417 с.
6. Касаткин Л.Л. Орфоэпические позиции / Л.Л. Касаткин. – http://inslav.ru/tnikolaeva/statji/Kasatkin_Nikolaeva_fest_2013.pdf (дата обращения: 17.03.2017).

7. Натитник А. Мария Каленчук. Речь выдает нас с головой / А. Натитник. – <http://hbr-russia.ru/lichnaya-effektivnost/lichnye-kachestva/a11528/> (дата обращения: 17.03.2017).
8. Новиков В. Эстетика орфоэпии / В. Новиков. – http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2013/7/15n.html (дата обращения: 17.03.2017).
9. Панов М.В. Русская фонетика / М.В. Панов. – М.: Просвещение, 1997. – 438 с.
10. Пожарицкая С.К. Орфоэпия: идеи и практика / С.К. Пожарицкая // Язык и речь: проблемы и решения: сб. науч. тр. к юбилею проф. Л.В. Златоустовой / под ред. Г.Е. Кедровой и В.В. Потапова. – М.: МАКС Пресс, 2004. – С. 231–238.
11. Прядильникова О.В. Региональные особенности произносительной системы современного русского языка в республике Башкортостан: автореферат дис. ... канд. филол. наук / О.В. Прядильникова. – Уфа, 2010. – 25 с.
12. Скачедубова Е.С. Особенности произношения сложных и сложносокращенных слов в современном русском литературном языке: автореферат дис. ... канд. филол. наук / Е.С. Скачедубова. – М., 2008. – 38 с.
13. Современный русский язык. Теоретический курс. Фонетика / под ред. В.В. Иванова, Л.А. Новикова. – М.: Русский язык, 1985. – 160 с.
14. Фонетика сегодня: материалы докладов и сообщений VII Международной научной конференции, 27–29 сент. 2013 г. – М., 2013. – 96 с.

И.Л. Фунтова,

кандидат филологических наук, докторант кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики, старший преподаватель кафедры индоевропейских и восточных языков Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета

Акцентные изменения в современном русском литературном языке

В 90-е годы XX века проблема русского ударения и его кодификации значительно обостряется в связи с возрастающей ролью публичной речи. Речь парламентская, речь, звучащая с экранов телевизоров, по радио, становится активным стимулом для подражания. Она у всех на слуху и невольно оказывает воздействие на речевую практику населения. То, что средства массовой информации в настоящее время, в отличие от прошлых лет, настроены на живое, непринужденное общение, а также значительное расширение круга лиц, допущенных к эфиру, серьезно расшатало акцентные нормы русского языка. Вкусовые установки, недостаточное владение нормами языка породили массу ошибочных ударений, постоянно умножающихся.

Однако дело не только в небрежности и недостаточной грамотности. Речь профессиональная, деловая, разговорная все более усиливает влияние на речь публичную, официальную. В этой связи процессы, подготовленные самой системой языка, ускоряются, и бывшие строгие литературные нормы оказываются поколебленными.

Тенденции в области русского ударения наметились еще в середине прошлого века, но наиболее интенсивно они проявляются в современных условиях.

Общей тенденцией в ударении, по признанию многих лингвистов, считается тенденция к ритмическому равновесию, которая заключается в смещении ударения к центру слова. О тяготении русского ударения к центру со смещением во вторую половину слова пишет А.И. Моисеев [А.И. Моисеев, 1973]. Опираясь на подобные исследования, ту же мысль поддерживают и иллюстрируют богатым материалом К.С. Горбачевич [К.С. Горбачевич, 1978: 64-68] и Н.С. Валгина [Н.С. Валгина, 2003, 64].

Эта тенденция проявилась у пяти-, шестисложных глаголов на -ировать («аккомпанировать» из «аккомпанировать», «абонировать» из «абонировать», «бальзамировать» из «бальзамировать»). Четырехсложные глаголы либо имеют варианты нормы («нормировать» и «нормировать»), либо избирают одну,

новую форму («вальсировать» из «вальсировать»), либо сохраняют окончательное ударение («премировать» – просторечное «премировать»; «маскировать» – просторечное «маскировать»).

Перемещение ударения к середине слова отмечено у прилагательных: «прадедовский» (из «прадедовский»), «тайнственный» (из «тайнственный»), «счастливым» (из «счастливый»), «общественный» (из «общественный»).

У прилагательных на -истый прослеживается некоторая закономерность в смене ударения, связанная с морфологическим показателем: прилагательные, образованные от имен существительных с ударением на первом слоге, дают переход ударения на -истый («бархат – бархатистый → бархатистый», «сахар – сахаристый → сахаристый», «камень – каменистый → каменистый», «мускул – мускулистый → мускулистый», «фосфор – фосфористый → фосфористый»), а прилагательные, образованные от имен существительных с ударением на втором (или третьем) слоге, сохраняют именно это ударение, достаточное для соблюдения равновесия («болото – болотистый», «обрыв – обрывистый», «сосуд – сосудистый», «пузырь – пузыристый», «оборот – оборотистый», «ухват – ухватистый»). Здесь очевидно совмещение ритмического и морфологического принципов в размещении ударений.

Как отмечает К.С. Горбачевич [4, 66], тенденция к ритмическому равновесию особенно наглядно прослеживается в сложных словах: «зубчатый – мелкозубчатый», «развитой – малоразвитый», «возрастной – великовозрастный», «характерный – разнохарактерный», «договор – хоздоговор».

Процесс смещения ударения в многосложных словах к центру слова можно оценить как процесс прагматически оправданный, целесообразный, так как в таком случае соблюдается более равномерная смена ударных и неударных слогов, что более удобно для произнесения.

Наряду с общей тенденцией смещения ударения ближе к центру слова для достижения ритмического равновесия наблюдаются частные тенденции, характеризующие отдельные части речи.

Например, глагольное ударение, отличающееся в целом неподвижностью (ударение на корневой или суффиксальной части), обнаруживает подвижность в некоторых формах. В частности, форма прошедшего времени женского рода, имеющая в ряде глаголов ударение на окончании («начала», «приняла», «заняла», «ожила», «облила»), переносит его на основу: «начали – начала», «приняли – приняла», «заняли – заняла», «ожили – ожила», «облили – облила». Однако такие формы женского рода литературным языком не принимаются. Так естественный процесс задерживается рекомендательными установлениями.

Ненормативное перемещение ударения, очень активное в последнее время, на приставку в действительных причастиях прошедшего времени и деепричастиях происходит под влиянием литературного принятого ударения в формах страдательных причастий прошедшего времени: действительные причастия «начавший», «занявший» и деепричастия «начав», «заняв» – нелитературные формы; страдательные причастия прошедшего времени «начатый», «начат», «начато», «начаты»; «занятый», «занят», «занято», «заняты» – литературные формы. Как отмечает Н.С. Валгина [2, 65], такие расхождения в кодификации в речевой практике часто не учитываются, и обнаруживается стремление свести все к одному знаменателю, тем более что закон языковой аналогии – очень сильный закон, отмеченный яркой наглядностью. А если в эти сопоставительные ряды страдательных причастий включить еще и формы женского рода (лит. «начата», «занята»), нарушающие внутреннее единство соответствующих форм, то покажется вполне объяснимой тенденция к переносу ударения в этих формах ради их унификации («начата», «занята»). В словаре Т.Ф. Ивановой [Т.Ф. Иванова, 2007] форма «начата» уже является единственно правильной, а форма «занята» пока еще не принимается литературной традицией.

Большого внимания требуют глаголы на -ить, среди которых выделяются группы лексем с неподвижным и подвижным ударением.

Вариантные колебания возникают между литературными формами и просторечными, идущими от лексем с подвижным ударением. Особенно

характерно это для глаголов «звонить», «позвонить», «включить», «заключить», а также «углубить», «облегчить» («звонит – звонит», «включит – включит», «заключит – заключит»; в глаголах «углубить» и «облегчить» вариантность коснулась даже самой исходной формы: «углубить – углубить», «облегчить – облегчить»). Во всех приведенных парах вторые позиции занимают формы нелитературные, но в высшей степени распространенные в речевой практике даже достаточно образованных людей (телеведущие, депутаты парламента, учителя и др.). Такое нарушение правила, несмотря на свою массовость, оказалось пока что неспособным поколебать литературную традицию.

Однако подвижное ударение в глаголе захватывает все большую группу слов в современном русском языке. И в других случаях рекомендации становятся не столь жесткими, как в случае с названными выше глаголами. Например, следующие колебания в ударении не вызывают столь резкого неприятия: «мирить – мирит / мирит», «помирить – помирит / помирит», «поселить – поселит / поселит», «селить – селит / селит». В частности, в словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой [С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова, 1998] в качестве разговорных допускаются формы «поселишь», «селишь». Кстати, у более распространенного глагола «звонить» («звонишь») такой пометы нет. Как варианты в рамках литературного языка воспринимаются глаголы «перчить» и «перчить», соответственно и формы причастий «перченный» и «перченный» (посыпанный перцем); прилагательное же имеет только одно ударение: «перченное масло», «перченное мясо».

В сфере именного ударения В.Л. Воронцова [3, 314-315] и Н.С. Валгина [2, 66] в качестве основной тенденции называют грамматикализацию ударения, т.е. сохранение и развитие дифференцирующей функции ударения в грамматических формах имен существительных (например, «дома» – род. п., ед. ч.; «дома» – им. п., мн. ч.). Грамматикализация ударения естественно связана с тенденцией к подвижности. И то и другое создает большую степень вариантности форм в современном русском языке. Например, при

словоизменении некоторые разряды имен существительных меняют неподвижное ударение на подвижное: «тираж – тиража → тиража»; «гуляш – гуляша → гуляша»; «мост – моста → моста»; «гусяр – гусяра → гусяра».

Интересны данные словарей середины и конца 90-х годов XX века. Например, в словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой [8] дается единственная форма родительного падежа «гуляша»; а родительный падеж от слов «гусяр» и «мост» имеет обе формы: «гусяра» и «гусяра», «моста» и «моста». В словаре Т.Ф. Ивановой [5] также даны варианты формы: «по мосту – по мосту – по мосту». Существительное «тираж» образует только одну форму – «тиража», т.е. новое флективное ударение либо стало равноценным исходному корневому, либо вообще вытеснило старое ударение. Для сравнения: в словаре Д.Н. Ушакова [Д.Н. Ушаков, 1935] форма родительного падежа «моста» считалась областной. Хронологические разночтения в рекомендациях наблюдаются и в формах «листаж – листажа → листажа» (в словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой [8] дана только новая форма со смещенным ударением – «листажа») и «шантаж – шантажа → шантажа» (у С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой [8] литературной считается форма «шантажа», а Д.Н. Ушаков [10] считал такую форму просторечной). Хронологически разные оценки форм достаточно показательны: Д.Н. Ушаков ориентировался на произношение, принятое в начале XX века, в то время как С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова фиксируют факты конца XX века.

Интересно также отметить, что у трехсложных слов старое ударение в родительном падеже сохраняется неизменно: «патронажа», «арбитража», «камуфляжа», «репортажа», «саботажа», «вернисажа». У двусложных слов вариантов уже нет, флективное ударение оказывается единственным: «багаж – багажа», «витраж – витража», «гараж – гаража», «вираж – виража» (полет самолета), но «вираж» (спец.) – «виража» (раствор, используемый в фотографии).

Акцентологическое развитие получили и формы родительного падежа единственного числа у ряда других имен существительных, в формах которых

акцент сместился в сторону окончания: «угля → угля», «груздя → груздя», «холма → холма». Схожие явления наблюдаются и в формах кратких прилагательных: «полны → полны», «близки → близки», «верны → верны», хотя не все слова приняли такое ударение: «гадки», «жутки», «сладки».

Тенденция к подвижности ударения у имен существительных захватила большие пласты слов и породила вариантность в рамках нормативности.

Особенно активно варьируются у приставочных имен существительных: «обжиг – обжиг», «отсвет – отсвет», «привод – привод», «прикус – прикус», «искус – искус» и др. Данные варианты в современном русском языке дифференцированы стилистически и грамматически в формах единственного и множественного числа, а некоторые и семантически: «привод – привод» (устройство или система устройств для приведения в движение различных машин) и «привод» (принудительно доставить).

Подвижность ударения в таких словах возникает в профессиональной речи и просторечии («привод», «припуск»), отчасти и в литературном языке: «отпуск – отпуск», «провод – провод». В исходной форме именительного падежа единственного числа варианты форм подобных имен существительных по-разному оцениваются современными словарями, т.е. норму можно считать неустоявшейся. Так, например, словарь С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой [8] дает формы «привод» и «привод» (устройство в машине) как равноценные, тогда как в более ранних изданиях Толкового словаря С.И. Ожегова (1949 / 1952) дана только форма «привод» (во всех значениях); то же со словом «отсвет» и «отсвет»: в словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой [8] даны обе формы как равноценные, хотя ранее С.И. Ожегов давал только вариант «отсвет». Этому дает объяснение К.С. Горбачевич [4, 74]: с одной стороны, действуют словообразовательные ассоциации («свет», «просвет», «рассвет», «полусвет» – морфема «свет» оказалась очень сильной), с другой стороны, действует структурно-семантическая аналогия («отблеск», «отзвук», «отклик»). Однако в настоящее время в словаре Т.Ф. Ивановой [5] вариант «отсвет» имеет помету «устар.».

Акцентные варианты «искус» и «искус», «прикус» и «прикус» тоже имеют длительную и интересную историю. Отклонением от нормы считались то одни варианты, то другие. Эти колебания отражены в словарях: в 1952 году у С.И. Ожегова дан только вариант «искус», а в 1972 году он дает уже два варианта – «искус» и «искус»; в словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой [8] вариант «искус» помечен как устаревший (в орфоэпическом словаре Т.Ф. Ивановой [5] этот вариант имеет помету «допуст.»). Постепенно изгоняется и вариант «прикус» из пары «прикус – прикус».

Однозначно воспринимаются варианты «кета – кета», «базилика – базилика», «обух – обух», «кирза – кирза» (соответственно «кирзовый» и «кирзовый»). В словаре Т.Ф. Ивановой [5] варианты «кирза – кирзовый» имеют пометы «допуст., разг.».

В других случаях вариантность в современном русском языке исчезает, и один из вариантов устаревает, освобождая место более сильному. Так случилось, например, с парой «щепоть – щепоть», в которой первый вариант постепенно утрачивается языком. Относительно слова «трапеза» обычно в словарях расхождений не бывает – оно дается в варианте первоисточника (греч. “trapeza” – стол, кушанье). Однако в словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой [8] даны две формы – «трапеза» и «трапеза» – без стилистических помет; как равноправные даны и формы прилагательного «трапезный – трапезный», однако субстантивной форме «трапезная» (монастырская столовая) С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова [8]) отдают предпочтение, снабжая вариант «трапезная» пометой «устар.». Смещение ударения возможно только в приставочном прилагательном «затрапезный» (вид) и существительном «затрапезность»; здесь вступают в действие фонетические и морфологические причины: удлинение слова за счет приставки и установление ритмического равновесия. И то и другое слово в словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой [8] помечено как «разг.», в то время как исходная форма «трапеза» такой оценки не имеет. В настоящее время в словаре Т.Ф. Ивановой [5] варианты «трапеза» и «трапезный» имеют пометы «допуст., устар.».

Тенденцию к грамматикализации можно наблюдать на различении форм прилагательных и причастий одного корня: «развитый / развитый – развитой», «налитый / налитый – налитой», «испитый – испитой», «завитый – завитой», «обжитый / обжитый – обжитой», «занятый – занятой». Четко к прилагательным относятся акцентологические варианты «налитой», «снятой», «испитой» («налитое яблоко», «снятое молоко», «испитое лицо»). Формы на -ой вообще чаще выступают в роли прилагательных: «обжитой дом», «развитой ребенок». Что же касается форм с ударением на приставке или корне, то здесь принцип грамматикализации ощущается недостаточно четко. Неоднозначны и указания в словарях и справочниках. Разграничение форм прилагательных и причастий в акцентных парах «завитый – завитый», «налитый – налитый», «развитый – развитый» затруднительно и связано с семантикой этих слов: формы, прямо связанные с глаголами, т.е. имеющие процессуальное значение, выступают в качестве причастий и имеют ударение на корне: «налитый» («налить»), «развитый» («развить веревку»), «завитый» («завить волосы»). В использовании форм с приставочным акцентом («занятый», «развитый», «обжитый») различия обнаруживаются на синтаксическом уровне (причастие или прилагательное): «человек, занятый делами»; «мысль, развитая в работе»; «дом, обжитый нами» – «занятый работник», «развитый ребенок», «обжитый дом».

Однако слова с префиксальным акцентом далеко не всеми принимаются как нормативные. Например, форма «развитый» (ребенок) как прилагательное снабжается запретительной пометой в словаре-справочнике под редакцией Р.И. Аванесова и С.И. Ожегова [9], хотя, как убедительно доказывает С.Н. Борунова [1, 210], в современном русском языке, «когда произошла стилистическая нейтрализация приставки раз-, стало возможно префиксальное ударение в причастии и прилагательном». Как отмечает Н.С. Валгина [2, 70], в картотеке Института русского языка зафиксированы в прилагательных оба ударения: нормативное – «развитой» и ненормативное – «развитый». Можно полагать, что нормативность флективного ударения в 60 – 70-е годы во многом

стимулировалась частотностью употребления официальных терминологических сочетаний типа «развитой социализм», что оттесняло на периферию языка форму «развитый». Современный материал свидетельствует о расширении употребительности префиксального ударения у прилагательного, и потому его можно признать вариантом нормы при предпочтительном варианте «развитой». Такой вывод был сделан еще С.Н. Боруновой [1, 216].

Не варьируется ударение лишь в причастии «развитый» («развитая веревка») и в сложных прилагательных («слаборазвитый»). Прилагательные «развитой» и «развитый» в качестве одиночных определений нормативно равноценны, хотя в определительных оборотах предпочтительнее оказывается форма прилагательного с приставочным ударением – «экономически развитый район».

Как отмечает Н.С. Валгина [2, 62], причины акцентных изменений в основном внутрисистемные. Это столкновение действия закона аналогии, который является стимулятором подрыва традиционности, и закона традиции, обычно сдерживающего инновационные процессы, а также закона антиномий (противоречий, которые являются по сути «зачинщиками» борьбы противоположностей, заложенных в самой системе языка), в частности, антиномии узуса и возможностей языка, т.е. системы и нормы. Возможности языка (системы) значительно шире, чем принятое в литературном языке употребление языковых знаков; традиционная норма действует в сторону ограничения, запрета, тогда как система способна удовлетворить большие запросы общения.

Среди причин внешнего характера можно назвать влияние некоторых говоров, а также влияние источников заимствования – для заимствованной лексики.

Поскольку ударение – это явление устной речи, оно менее регулируемо, нежели письменная речь, и менее поддается нормализации.

Литература

1. Борунова С.Н. Об акцентологических вариантах «развитый – развитый – развитой» // Грамматика и норма. М., 1977.
2. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие для студентов вузов. М.: Логос, 2003. 304 с.
3. Воронцова В.Л. Активные процессы в области ударения // Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995). М., 2000.
4. Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма. Л., 1978.
5. Иванова Т.Ф. Новый орфоэпический словарь русского языка (произношение, ударение, грамматические формы) / Под ред. В.В. Бурцевой. 2-ое изд. М., 2007.
6. Моисеев А.И. К различию длинных и коротких слов в современном русском языке (в связи с местом словесного ударения) // Проблемы теоретической и прикладной фонетики и обучение произношению. М., 1973.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1949 / 1952 / 1972.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1995 / 1998.
9. Русское литературное произношение и ударение: Словарь-справочник / Под ред. Р.И. Аванесова и С.И. Ожегова. М., 1959.
10. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935.
11. Хорошая речь / Под ред. М.А. Кормилицыной и О.Б. Сиротининой. 2-ое изд., испр. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 320 с.

А.И. Леонов,
кандидат филологических наук, Воронежский государственный университет

Вариативность акцентных норм в современном русском языке

В последние десятилетия в русском языке происходят заметные изменения, затрагивающие все сферы функционирования языка. В основе этих изменений лежат разные социальные факторы, такие как «демократизация

русского общества, деидеологизация многих сфер человеческой деятельности, антитоталитарные тенденции, снятие разного рода запретов и ограничений в политической и социальной жизни, открытость к веяниям с Запада в области экономики, политики, культуры и др.» (что отмечает Л.П. Крысин [3]).

Действительно, изменения последних десятилетий в российском обществе привели к переменам в общественном сознании людей и в конечном итоге вызвали изменения в языковых процессах. После доминировавшей в советское время жестко регламентированной публичной речи любой носитель языка получил возможность участвовать в живой дискуссии в СМИ.

Однако возникшее обилие непрофессиональных ораторов на радио и телевидении приводит к тому, что акцентологические закономерности русского языка сильно «раскачались» и их кодификация становится в настоящее время все более затрудненной. По мнению Н.С. Валгиной, «особенно это заметно в области ударения, т.к. в язык хлынул поток новых слов, еще недостаточно освоенных, понятых <...> На таком общем фоне оказывается сложным наблюдать собственно тенденции в области русского ударения, заложенные в самой языковой системе, хотя в принципе они известны и наметились еще в середине века, но наиболее интенсивно проявляются в современных условиях» [1, с. 62].

Разумеется, языковые изменения представляют собой закономерный процесс, и фонетическая система языка всегда оставалась достаточно консервативной. Однако, по мнению ряда исследователей, динамика акцентных изменений в речи явно превышает нормативные темпы развития языка.

Рассмотрим здесь только несколько характерных примеров изменения акцентных норм в речи.

1. В современном русском языке практически полностью вышло из употребления ударение на частице **-ся** в глаголах с основами **-ча**, **-ня** (*начаться, приняться, подняться, сняться, заняться*). Такое ударение считается нормативным теперь только у нескольких глаголов в форме мужского рода: *начался́, принялс́я, поднялс́я*, в остальных случаях такая норма

оценивается как устаревающая (*предался развлечениям*) [2]. Наблюдения, впрочем, показывают, что ударение на частице **-ся** во всех глаголах этой группы не встречается практически никогда: *начался процесс, занялся спортом, принялся за работу* и т.п. В остальных формах глаголов этой группы наблюдается перенос ударения на аффиксальный гласный: *давление поднялось, идея не привилась, начались беспорядки*.

2. Другим примером изменения акцентной нормы можно считать широкое распространение таких форм, как *осужденный* (преступник), *осужден(а)*, *возбуждено* (уголовное дело) вместо общепринятых *осуждённый*, *осуждён / осуждена́*, *возбуждено́* (дело). В последние годы эти формы получили широкое распространение в профессиональной среде юристов, полиции, работников пенитенциарной системы и т.п.

Безусловно, употребление этих форм не соответствует общепринятой литературной норме, однако их распространение в профессиональной среде является крайне устойчивым, несмотря на все усилия нормализаторов русского языка. В этой среде такая норма произношения считается своего рода знаком принадлежности к определенному профессиональному кругу лиц и к определенному виду деятельности.

3. Известно, что в современном русском языке продуктивными являются формы именительного падежа множественного числа на **-á / -я́** (*колокола, якоря́*). Эти формы исторически восходят к двойственному числу существительных в древнерусском языке, обозначавших парные предметы: *глаза, рога, бока, рукава, берега*.

С исчезновением двойственного числа у существительных мужского рода в именительном падеже множественного числа наряду со старой формой **-ы́** появилось новое окончание **-á**, которое стало вытеснять окончание **-ы́**. Так, в современном русском языке поезд во множественном числе имеет окончание **-á**, в то время как еще в XIX веке нормой было **-ы́**, например: «Поезды на железной дороге останавливаются по причине больших выпавших снегов на четверо суток» (из письма Н. Г. Чернышевского отцу 8 февраля 1855 г. [7, с.

388]). Вероятно, мы становимся здесь свидетелями возникновения новой акцентной нормы, и, по-видимому, нормализаторская работа в данном случае лишается смысла.

Формы на *-á* /*-я́* прочно закрепились в литературном языке, например, во многих односложных словах (типа *бег – бега*) – *века́, леса́, сорта́* – и в двусложных словах с ударением на первом слоге в единственном числе (*вечер – вечера*): *берега́, векселья́, докторá, паспортá, тормозá*. В других случаях наблюдается их параллельное употребление с формами на *-ы́* (*-и́*), но с дифференциацией по значению, ср.: *корпуса* (войсковые соединения или здания) и *ко́рпусы* (туловища людей и животных); *ордена́* (награды) и *о́рдены* (монашеские союзы в Средние века). В третьих случаях наблюдается их параллельное употребление с формами на *-ы́* /*-и́*, но со стилистической дифференциацией, ср.: *инжене́ры, инспекто́ры кондукто́ры* (литерат.) и *инжене́ра, инспекто́ра, кондукто́ра* (разг.), где формы на *-á* /*-я́* выходят за пределы акцентной нормы.

В последнее время заметно увеличилась частотность употребления этого последнего подкласса: *взвода́, срока́, обыска́, троса́, слесаря́, токаря́, опера́, мичмана́, штурмана́, шкипера́, штормá, компаса́, рапортá* и т.п. (на что обратил внимание Л. П. Крысин [3]).

Такие формы проникают в речь, как правило, из профессиональной среды и входят в состав профессиональных подязыков, таких как морской: *мичмана́, штурмана́, боцмана́, лоцмана́, борта́, троса́* (по аналогии с *паруса́*); военный: *взвода́, кителя́, пороха́*; технический: *слесаря́, токаря́*, полицейский и тюремный жаргон: *опера́, фраера́*.

Хотя лингвисты давно отмечали распространенность таких форм в профессиональном языке [5, с. 179-187], в последние десятилетия наблюдается активное увеличение числа этих форм в публичной речи, что, очевидно, свидетельствует об изменении нормы.

4. В русском языке достаточно частотными являются глаголы с формой инфинитива на *-ить*. Ударение в этой группе распределяется между двумя

типами: на основе (*ста́вить, ста́влю, ста́вит*) и на окончании (*брани́ть, брани́ю, брани́шь*).

Наблюдения показывают, что в этой группе происходит процесс переноса ударения с личных окончаний на корневую часть в соответствии с общей тенденцией к закреплению неподвижного ударения в глаголах.

В ряде глаголов – *курить, варить, дарить, солить* – процесс переноса ударения уже закончился и нормативным установилось произношение *ку́рит, ва́рит, да́рит, хва́лит*, а формы *кури́т, вари́т, дари́т, хвали́т* более в языке не употребляются. Перенос ударения на корень происходит медленно, но тенденция к закреплению ударения носит направленный характер. В ряде глаголов типа *включить, вручить, облегчить, углубить* процесс еще продолжается, примером чему служит наличие вариантных форм: *включи́т / вкля́чит, вручи́т / вру́чит, облегчи́т / обле́гчит, углуби́т / углу́бит*.

Несколько лет назад в российской прессе прошла оживленная дискуссия об ударении в глаголе *звонить*, в частности, о нормативности вариантов *звони́т* или *звóнит*. Дискуссия выявила множество точек зрения, и в целом они разделились пополам. Вариант *звóнишь, звóнит* многим очень режет слух и считается неправильным. Тем не менее, поскольку языковая тенденция носит объективный характер и глагол *звонить* подчиняется ей, с большой долей уверенности можно утверждать, что форма *звóнит* со временем станет нормативной.

Массовое вхождение в литературно-речевой обиход такого рода инноваций вызывает необходимость оценки их как с позиций нормы, так и в отношении их социальной маркированности: многие из новшеств имеют отчетливо выраженное «социальное происхождение».

Нам представляется справедливой позиция А. Мустайоки о том, что все разновидности нормы основываются на интуитивном представлении людей о правильности той или иной языковой единицы и то, как люди говорят (узус), являет собой только косвенное представление о норме. Существующие нормы иногда вызывают протесты у людей, не желающих или по каким-то причинам

не способных подчиняться правилам сверху. Одним из проявлений такого рода непокорности считается создание разных слэнгов и других ненормативных разновидностей языка. Тем самым создание своего языка служит эффективным средством выстраивания границы группы: «мы» – это те, кто вот так говорит [4, с. 7].

Следует иметь в виду, что понятие нормы применительно к литературному языку обычно рассматривается в двух смыслах: узком и широком. В узком смысле норма – это результат целенаправленной кодификации языка, т.е. совокупность предписаний, касающихся употребления языковых единиц. Такое понимание нормы неразрывно связано с понятием «литературный язык» (кодифицированный язык, языковой стандарт). В широком смысле норма понимается как результат традиции, как многолетний опыт использования языковых единиц и их сочетания. В этом понимании норма близка к понятию узуса, т.е. общепринятых, устоявшихся способов использования данного языка.

В целом сосуществование языковых средств, закрепленных в норме путем ее кодификации, и языковых средств, идущих из речевой практики, представляет собой форму взаимоотношений нормы и узуса. При этом взаимоотношения языковой нормы и речевого узуса не всегда имеют характер конфликта, разрешаемого непременно в пользу одной из сторон.

Сосуществующие в литературном языке акцентные варианты функционально и коммуникативно подвижны, и их использование зависит от разных факторов: социальной и профессиональной принадлежности говорящего, от его коммуникативных намерений (например, говорит ли он всерьез или хочет пошутить) и способности переключаться с одной манеры речевого общения на иную (например, с профессиональной речи на общелитературный язык) [6].

Подводя итог вышесказанному, мы можем констатировать, что изменение акцентных норм речи обусловлено внутриязыковыми факторами и оно может свидетельствовать либо о противоречиях во внутренней системе литературного

языка, либо о воздействии внешних факторов. Норма изменяется вместе с развитием языка, и эти изменения отражаются в узусе в виде новшеств и сосуществующих вариантов. Развитие языка представляет собой сложный и далеко не прямолинейный процесс, и колебания акцентных норм – неизбежный этап развития языка.

В этом отношении языковая ситуация в России соответствует тем глобальным процессам, которые происходят практически везде в мире. В силу этого оценка спорных фактов современной речи требует сознательного и взвешенного подхода.

Литература

1. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие для студ. вузов. М.: Логос, 2003. 304 с.

2. Вольвак Н. П. Активные процессы в области современного ударения [Электронный ресурс] // International Electronic Scientific & Technical Library. URL:<http://interlibrary.narod.ru/GenCat/GenCat.Scient.Dep/GenCatPhilology/170000003/170000003.htm> (дата обращения: 24.10.2016).

3. Крысин Л. П. О некоторых изменениях в русском языке конца XX века // Исследования по славянским языкам. Сеул, 2000. № 5. С. 63-91.

4. Мустайоки А. Разновидности русского языка: анализ и классификация // Вопросы языкознания. 2013. № 5. С. 3-27.

5. Русский язык по данным массового обследования: Опыт социально-лингвистического изучения / под ред. Л. П. Крысина. М.: Наука, 1974. 351 с.

6. Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2003. 568 с.

7. Чернышевский Н.Г. Письма 1838-1876 гг. // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: в 15-ти т. М.: Художественная литература, 1949. Т. 14. 899 с.

М. Ш. Ковалёва,

ассистент Оренбургского государственного медицинского университета

А.М. Фролова,

ассистент Оренбургского государственного медицинского университета

М.Д. Яхно,

ассистент Оренбургского государственного медицинского университета

Активные процессы в области словесного ударения

В основе коммуникации лежит языковая система. Она детерминирует норму, языковое чутье, вкус и даже речевую моду. В то же время эта система сама испытывает воздействие под влиянием многих экстралингвистических факторов.

Это надо понимать так: язык способен принимать разные обличья, оставаясь самим собой. «Главная причина изменения норм – это эволюция самого языка, наличие вариативности, что обеспечивает выбор наиболее целесообразных вариантов языкового выражения. В понятие образцовости, эталонности нормативного языкового средства все заметнее включается значение целесообразности, удобства». [2, с. 35] Важно одно – чтобы эти изменения не нарушали существенных языковых параметров и не влияли бы на структуру языка в сторону ее деформации. Изменения влекут за собой структурные языковые сдвиги, порой и не совсем желательные. Все это, безусловно, влияет и на норму.

Анализом изменений в области ударения занимались такие ученые, как В.Л. Воронцова, К.С. Горбачевич, А.В. Суперанская и др. Наиболее ярко изменения в области ударения освещены в работе Н.С. Валгиной «Активные процессы в современном русском языке». Автор отмечает: «В 90-е годы XX в. проблема русского ударения и его кодификации значительно обостряется в связи с возрастающей ролью публичной речи. Речь парламентская, речь, звучащая с экранов телевизоров, по радио, становится активным стимулом для

подражания. Она у всех на слуху и невольно оказывает воздействие на речевую практику населения. То, что средства массовой информации в настоящее время, в отличие от прошлых лет, настроены на живое, непринужденное общение, а также значительное расширение круга лиц, допущенных к эфиру, серьезно расшатало акцентные нормы русского языка. Вкусовые установки, недостаточное владение нормами языка породили массу ошибочных ударений, постоянно умножающихся.

Однако дело не только в небрежности и недостаточной грамотности. Сложившаяся общественная обстановка в «перестроечное» для страны время значительно повысила «нормальные» темпы языковой динамики. В частности, активизировалось закономерное противоречие между узусом и возможностями языка. Причем узус стал часто утрачивать свою силу и ослаблять границы своего действия. Речь профессиональная, деловая, разговорная все более усиливает влияние на речь публичную, официальную. В этой связи процессы, подготовленные самой системой языка, ускоряются и бывшие строгие литературные нормы оказываются поколебленными.

В области ударения это особенно заметно, поскольку в язык хлынул поток новых слов, еще недостаточно освоенных, понятых, часто только услышанных. Если говорить именно об ударении, то в такой ситуации полагаться можно только на звучащую речь (а она далеко не всегда правильная!), так как многое из того, что уже живет в языке, не отражено в словарях и потому не имеет нормативных оценок» [2, с. 60].

Причинами акцентных изменений являются столкновения законов традиции и аналогии, т. е. внутрисистемные изменения. Выравниванию системы ударений подвержены некоторые глагольные формы, где сталкиваются книжная традиция и живое употребление. Например, достаточно устойчивой оказывается форма женского рода прошедшего времени глагола; сравним: *зва'ть* – *зва'л, зва'ло, зва'ли*, но: *звала'*; *рва'ть* – *рва'л, рва'ло, рва'ли*, но: *рвала'*; *спа'ть* – *спа'л, спа'ло, спа'ли*, но: *спала'*; *ожи'ть* – *о'жил, о'жило, о'жили*, но: *ожила'*. Естественно, что нарушение традиции коснулось именно

формы женского рода (*зва'ла, рва'ла, спа'ла* и т.п.), которое пока не допускается в литературном языке, но распространено в живом употреблении.

Много колебаний в ударении наблюдается в терминологической лексике, где также часто сталкивается традиция (как правило, это по происхождению латинские и греческие термины) и практика употребления в русских контекстах. Аналогия в этом классе слов оказалась в высшей степени продуктивной, а разночтения – крайне редкими.

Например, большинство терминов переносит ударение на конечную часть основы, типа: *аритми'я, ишеми'я, гипертони'я, шизофрени'я, идиоти'я, зоофили'я, эндоскопи'я, дистрофи'я* и др. Но стойко сохраняют ударение внутри основы слова на -графия и -ция: *фотогра'фия, флюорогра'фия, литогра'фия, кинематогра'фия*» [1, с. 56]. В Грамматическом словаре А.А. Зализняка среди 1000 слов на -ция обнаружено лишь одно слово со смещенным ударением – *фармаци'я* (фармацевтика) [4, с. 48]. Однако в других случаях наблюдается разное оформление слов в зависимости от их словообразовательного состава, например: *гетероно'мия* (греч. *nomos* – закон), *гетерога'мия* (греч. *gamos* – брак), но: *гетеростили'я* (греч. *stylos* – столб), *гетерофилли'я* (греч. *phylon* – лист), в двух последних случаях можно усмотреть нарушение традиции и соответственно уподобление произношения. Кстати, в некоторых терминах современные словари фиксируют двойное ударение, например с тем же компонентом -фония – *диафо'ни'я*. Латинский термин *industria* БЭС дает в двух вариантах (*инду'стри'я*), а словарь С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой отмечает форму *индустри'я* как устаревшую и признает соответствующей современной норме форму *инду'стрия*; двойное ударение фиксируется и в словах *апопле'кси'я* и *эпиле'пси'я*, как в упомянутом слове *диафо'ни'я*, хотя схожая модель *диахрони'я* сохраняет единственное ударение [5, с. 80]. Разногласия в рекомендациях обнаруживаются и относительно слова *кулина'рия*. Большая часть словарей считает литературной форму *кулина'рия*, но в издании словаря С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (2003) уже признаются литературными оба варианта – *кулина'ри'я*. Термины с компонентом -мания

стойко сохраняют ударение -ма'ния (*англома'ния, мелома'ния, галлома'ния, библиома'ния* и др.). Словарь А.А. Зализняка дает 22 таких слова. Однако в профессиональной речи иногда под влиянием языковой аналогии ударение смещается к концу слова, например, медицинские работники чаще произносят *наркомани'я*, чем *наркома'ния*.

«Перенос ударения на конечный основы отмечается даже в терминах, стойко сохраняющих исконное ударение, например *мастопати'я* (ср. большую часть подобных терминов: *гомеопа'тия, аллопа'тия, миопа'тия, антипа'тия, метриопа'тия* и др.). Часто различие в ударении объясняется разным происхождением слов – латинским или греческим: *дислали'я* (от дис... и греч. *lalia* – речь), *диспенси'я* (от дис... и гр. *pepisis* – пищеварение), *дисплази'я* (от дис... и гр. *plasis* – образование); *дисне'рсия* (от лат. *Dishtsio* – рассеяние), *диску'ссия* (от лат. *discussio* – рассмотрение)» [1, с.59].

Среди причин изменений внешнего характера можно отметить влияние различных говоров, а также влияние источника заимствования – для заимствованной лексики. Н.С. Валгина приводит следующие примеры: «Южнодиалектное *бо'ндарь* (при варианте *бонда'рь*) поддерживается аналогией *ле'карь, пе'карь, то'карь*. В вариантной паре *пе'тля* и *петля'* второй вариант, также из южных говоров, поддержан системной аналогией: *лыжня', мазня', родня', резня', квашня'*» [5, с. 67].

Среди заимствованных слов можно также наблюдать колебания: при двойном заимствовании (*инду'стрия* и *индустри'я* – из лат. и греч. яз.); при воздействии языка-посредника (лит. *докуме'нт* и простор. *доку'мент* – из польск. яз.); при сочетании форм языка-источника и форм русифицированных (*Ше'кспир* – англ. и *Шекспи'р* – обрусевший вариант)» [2, 61].

Часто слова мгновенно становятся общеупотребительными и не «успевают» попадать вовремя в словари, и норма складывается стихийно. Так произошло со словом *ноутбук*, варианты произношения которого *но'утбук* и *ноутбу'к* начинают конкурировать и в узусе, и в кодификации.

Таким образом, носителям языка трудно определиться в выборе правильного варианта произношения, когда орфоэпические словари рекомендуют противоположные варианты: например, *бу'нгало* и *бунга'ло* и только *бу'нгало*, *марке'тинг* и *ма'ркетинг*, *ноутбу'к* и *но'утбук*. «Акцентные варианты способны передавать функционально-стилистические и семантические нюансы, однако, преувеличивать значение этих

возможностей не стоит. В основном все-таки варианты фиксированы хронологически: устаревшее, устаревающее, новое. Именно выяснение хронологического соотношения вариантов в процессе их смены оказывается наиболее существенным для нормализаторской оценки. Особого внимания, конечно, требуют варианты социально-профессиональные. Они противопоставляются общелитературным. Однако особенно очевидным это оказывается только в том случае, когда действительно имеется противопоставление (например, *ко'мпас* и *компа'с*, *ра'порт* и *рапо'рт*, *добы'ча* и *до'быча* и др.), что же касается сугубо профессиональных слов, не выходящих за рамки специального употребления, то тут нормализаторская работа вообще лишается смысла, так как не существует сопоставительного общеупотребительного варианта (например, *офсет*, *терцет*, *слалом*, *ротор*)» [2, с. 65]. При установлении нормативных оценок конкурирующих акцентных форм главным оказывается установление общего направления в изменении ударения, выявление глобальных тенденций; иногда установить их бывает трудно из-за чрезвычайно медленного течения процесса убывания вариантов и их смены. Кроме того, поскольку ударение – это явление устной речи, оно менее регулируемо, нежели знаки речи письменной, менее поддается нормализации.

Литература

1. Анисимова Л.А. Ударение в заимствованных словах // <http://m-shtud.livejournal.com/2314.html>
2. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие для студентов вузов. - М.: Логос, 2003. - 304с.

3. Горбачевич К.С. Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка: Словарь-справочник / Под ред. К.С. Горбачевича. - Л.: АН СССР, 1973. - 248с.

4. Зализняк А.А. Словоизменение: Грамматический словарь русского языка / Под ред. А.А. Зализняк. - М.: Аст-Пресс Книга, 2008. - 365с.

5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. - изд. 4-е., доп. - М.: ООО «ИТИ Технологии», 2003. - 944с.

Т.Г. Фомина,

кандидат филологических наук доцент кафедры современного русского языка и методики преподавания Казанского (Приволжского) федерального университета

Особенности эволюционных процессов в современной русской акцентуации

В классической науке и эволюционных теориях XIX века долгое время господствовала так называемая линейная динамика, характеризующаяся жестким детерминизмом мышления. «Существовало стремление, – как отмечают Е.Н. Князева и С.П. Курдюмов, – установить всюду однозначные динамические законы, которым подчинялись бы явления действительности» [1, с. 20–21]. В языкознании XIX века младограмматики стремились открыть фонетические законы, которые, по их мнению, действуют в языке или группе языков в границах определенного времени без исключения и на основе которых историки языка решали вопрос об этимологическом родстве исследуемых языков и этапах их дивергенции. Детерминистический подход к пониманию эволюции языковой системы применяется и в современной лингвистике. Этот подход основывается на представлении о линейной, «пошаговой», опирающейся на причинно-следственные связи эволюции

того или иного явления действительности, при которой ход развития даже сложноорганизованной системы может быть просчитан неограниченно в прошлое и будущее именно по причинно-следственным цепям.

Линейность эволюционных процессов, однако, могла иметь и обратное течение, обратный ход, и тогда говорили о противоположных направлениях в развитии языка (абстрактное – конкретное значение, упрощение – усложнение системы). Линейность при этом рассматривалась как диалектическая борьба противоположных сил и тенденций в развитии языковой системы. Р.О. Якобсон писал: «Прослеживая историю как звуковых, так и грамматических изменений в различных языках, я все более проникался убеждением в необходимости постоянного сочетания двух противоположных сил, а именно тяги к сохранению и, наоборот, к нарушению данного равновесия. В этом состоит процесс языкового самодвижения» [2, с. 239].

При такой детерминистической системе мышления многих пугала и останавливала встречавшаяся иногда в исследованиях неопределенность, непредсказуемость тех или иных изменений языковой или любой другой сложноорганизованной системы. Лингвисты, в частности акцентологи, периодически сталкивались с отсутствием причинно-следственной зависимости при изменении языковой системы и относили это к области «непонятого» или хаотического. Так, например, В.Л. Воронцова, изучая развитие русского словесного ударения на протяжении трех последних веков (XVIII – XX вв.), пишет: «Древнерусский материал показывает известную «хаотичность» акцентных характеристик...» [3, с. 75]; или: «Трудно, если не невозможно, установить, какие факторы определяют переход слов этой группы к новому типу акцентуации» [3, с. 54]. Действительно, каждый лингвист при изучении словесного ударения многократно сталкивался с внешним отсутствием причинно-следственных связей, управляющих процессом развития ударения, и подчинением эволюционных процессов языковой системы хаосу. Однако хаос представлялся исследователям деструктивным, разрушающим началом, поэтому встречавшаяся случайность,

непредсказуемость изменений языковой системы часто изгонялась лингвистами из научных теорий, а так называемые исключения из правил или не укладывающиеся в систему факты просто игнорировались.

Поскольку неравновесность, неустойчивость в эволюции разных систем воспринималась исследователями как нечто негативное, сбивающее эволюцию с правильной траектории [1, с. 21], в естествознании XX века стали выделять два класса объектов. Одни объекты детерминированные, развивающиеся в соответствии с классической линейной динамикой. Прогноз их поведения может быть дан на любое желаемое время. Другие – стохастические. Ими занимается теория вероятностей. То, что выпадает в этот раз, никак не связано с предыдущим (причинно-следственная связь отсутствует), поэтому в отношении данных объектов нельзя говорить о каком-либо детерминированном прогнозе, можно делать только статистические подсчеты [4, с. 23]. Исследования сложных стохастических систем породили, в свою очередь, статистические методы исследования. Статистика стала широко использоваться и в языкознании, особенно в социолингвистике.

С признанием системности фонологии в лингвистике XX века была рождена также теория «пустых клеток» (А. Мартине, В.В. Колесов, М.Б. Попов), которая рассматривала эволюцию языковой системы как стремление к ее равновесию, симметрии, заполнению «пустых клеток». Такой подход давал возможность увидеть взаимозависимость различных процессов, которые происходят в языковой системе, порождая ее перестройку, однако язык при таком подходе рассматривался как замкнутая, закрытая система, а в подобных образованиях увеличивающееся количество случайностей может разрушить систему, так как она будет не в состоянии перестроиться. Между тем язык относится к открытым, сложным, самоорганизующимся и саморазвивающимся системам.

Дальнейший переход к новой, неклассической науке, как отмечают современные эволюционисты, сопровождался развенчанием наивного убеждения классической науки, что случайность есть только незнание или

неполнота нашего знания исследуемых явлений. В конце XX в. наконец было осознано, что случайность и неопределенность явлений коренятся в самой природе вещей [1, с. 22], однако важно отметить, что первым из лингвистов, кто ввел понятие хаоса как определенной временной стадии в развитии языковой системы, был Н.В. Крушевский. Сравнивая для примера этапы развития языка с современным ему состоянием общества, Н.В. Крушевский писал: «...когда оглянемся кругом и увидим бесчисленное множество самых разнообразных человеческих стремлений, желаний, происшествий, то единственное заключение, какое можем сделать, будет то – что вокруг нас происходит хаос; но дайте совершиться событиям, и вы увидите, что все, казавшееся хаотичным и случайным, укладывается в величественную картину порядка и законности. Точно так же и хаос в известной сфере языковых явлений только временный: все то, что перестало быть антропофонически необходимым, подвергается действию бессознательно-психических факторов, которые по отношению к коррелятивам (т. е. звукам, связанным друг с другом только коэксистентною связью) может быть или разрушительным, или поддерживающим; но и разрушая, и поддерживая, эти факторы стремятся, как к конечной цели, к созданию совершеннейшего порядка и простоты в языке»¹ [5, с. 82]. Иначе говоря, хаос в понимании Н.В. Крушевского выступает как сверхсложная упорядоченность.

В последние десятилетия XX века в связи с открытием И. Пригожиным и И. Стенгерс нелинейной динамики, или синергетики, было доказано, что есть еще один важный класс объектов – открытые сложные самоорганизующиеся системы, к которым относится и язык. «Формально они, – как пишет С.П. Капица, – являются детерминированными – точно зная их текущее состояние, можно установить, что произойдет с системой в сколь угодно далеком будущем. И вместе с тем предсказывать ее поведение можно лишь в течение ограниченного времени. Сколь угодно малая неточность в определении начального состояния системы нарастает со временем, и с некоторого времени мы теряем возможность что-либо предсказывать. На этих

временах система ведет себя хаотически» [4, с. 23]. Хаос, таким образом, является общим свойством нелинейных процессов, способных развиваться не только в сложных, но даже в простейших системах, порождая необратимость их развития.

В качестве основных признаков эволюции сложных открытых систем выделяют то, что будущее открытой нелинейной системы не является однозначно определенным – система имеет несколько возможных сценариев развития. При этом процесс развития сочетает в себе как дивергентные тенденции (повышение разнообразия), так и конвергентные тенденции (свертывание разнообразия, повышение избирательности).

Действительно, если рассмотреть развитие фонетического или акцентного явления на протяжении длительного времени, то можно увидеть, что каждое явление имеет волновую, или пульсирующую, природу, то есть процесс акцентной трансформации, формирования вариативности тех или иных форм разрастается, достигает своего максимума, а потом сходит на нет. Причем после спада волны многие слова могут вернуть старую форму, а часть слов закрепляет новые варианты. Так, например, процесс формирования акцентно-грамматической оппозиции единственного и множественного числа существительных уже в XIX веке «затягивал в свою орбиту» многие многосложные заимствования, которые обычно характеризуются постоянным ударением на основе слова. По данным В.Л. Воронцовой, в работах А.Х. Востокова, Я.К. Грота, В.И. Чернышева с ударной флексией *-á /-я* во мн. числе приводятся, например, следующие заимствованные лексемы: *ва́хтер, гэ́тман, грíфель, ефрéйтор, инспéктор, фельдфе́бель, фельдъéгерь, фли́гель, реда́ктор, це́нзор, ци́ркуль, иштúрман, рóтмистр, кíтель, ко́нсул, коррэ́ктор, аптéкарь, бо́цман, ди́скáнт* и др. [3, с. 93]. Однако в современном русском языке они вернули себе первоначальную флексию *-ы/-и* и наосновное ударение.

На склонах языковой «волны» процесс развития того или иного явления выглядит прогнозируемым, то есть мы можем установить те или иные

тенденции (например: *до́м – до́мы/дома́*, *профе́ссор – профе́ссоры/профессора́* = становление оппозиции ед. и мн. числа), а у подножья волны, при зарождении флуктуаций, или на ее вершине, когда увеличивается диссипация и явление достигает максимума, мы не можем прогнозировать дальнейшие пути развития. «Усиление нелинейности, – как отмечают Е.Н. Князева и С.П. Курдюмов, – приводит к увеличению вариантов будущего развития. На сильно нелинейной среде появляется более разветвленное поле путей в будущее. С точки зрения синергетики будущее – это не *l’avenir* (то, что будет завтра), а *les futuribles* (одно из возможных будущих состояний). Усиление нелинейности среды расширяет спектр возможностей, спектр будущих состояний» [1, с. 77]. На данной стадии, пытаясь объяснить появление акцентных вариантов, мы вынуждены или обращаться к нашему сознанию, дифференцируя акцентные варианты семантически (*квартáл* → *квартáл* – часть города / *квáртил* – одна четвертая часть года → *квáртил* (разг.) – во всех значениях; *ха́ос* → *ха́ос* – начальное состояние вселенной / *хао́с* – беспорядок → *ха́ос* – во всех значениях), или опираться на бессознательно-психическое (по терминологии Н.В. Крушевского), подключая при выборе той или иной формы свой эстетический вкус или мнимое удобство произношения (*творо́г* → *твóрог*, *ба́ржа* → *баржа́*).

Если в современном русском языке рассмотреть эволюцию ударения у существительных женского рода 2 склонения, то можно увидеть, что все происходящие акцентные колебания и последующие изменения направлены на формирование парадигмы ВА с акцентной оппозицией единственного и множественного числа, которая считается достаточно сильным аттрактором (целью) в акцентных преобразованиях существительных всех трех родов [6, с. 27]. Рассмотрим акцентные процессы, направленные на формирование у существительных женского рода 2 склонения данной парадигмы (см. табл. 1).

Табл. 1

Акцентная эволюция имен существительных жен. рода 2 склонения

АА	ВА	ВВ/ВВ(с2)
-----------	-----------	------------------

пéсня – пéсни корóва – корóвы éлка – éлки	странá – страны травá – травы трубá – трúбы	левшá – левшí тахтá – тахтý лыжнjá – лыжнí
АØ стража – Ø сати́ра – Ø безрабóтица – Ø	ВА ← красотá – красóты ← глубинá – глубíны ←	ВØ молвá – Ø красотá – Ø глубинá – Ø
АА С XVIII в. тю́рма – тю́рмы со́сна – со́сны до́ха – до́хи XX в. пéтля – пéтли ба́ржа – ба́ржи	ВА → ← → тю́рма – тю́рмы → со́сна – со́сны → до́ха – до́хи толпа́ – то́лпы ← стрелá – стрéлы ← жена – же́ны ← → петля́ – пéтли → баржа́ – ба́ржи графá – гра́фы ← кошма́ – ко́шмы ←	ВВ/ВВ(с2) С XVIII в. толпа́ – толпы́ стрелá – стрелы́ женá – жены́ XX в. графá – графы́ кошма́ – кошмы́
	ВА ← изба́/избу́ – íзбы	В(с4)А изба́/избу – íзбы

	← нора́/нору́ – но́ры ←	нора/но́ру – но́ры
	ВА ← волна́ – во́лны/во́лнам ← стена́ – стéны/стéнам ← строка́ – стрóки/стрóкам ←	ВА (с3,5,6) волна́ – во́лны/волна́м стена́ – стéны/стенáм строка́ – стрóки/строкáм
	ВА ← доска́/доску́ – ← до́ски/до́скам/до́сками среда́/среду́ – ← сре́ды/сре́дам/сре́дами (разг.)	ВА ← В(с4)А(с3,5,6) доска́/до́ску – до́ски/до́скам/до́сками среда́/сре́ду – сре́ды/сре́дам/сре́дами

Во-первых, существительные, характеризующиеся постоянным ударением на основе (тип **АА**), могут перемещать ударение на флексию в формах единственного числа, что способствует формированию в данных словах акцентной парадигмы типа **ВА** (*ка́мбала* → *камбала́* – но: *ка́мбалы*, *и́скра* → *искра́* – но: *и́скры*). Эти колебания были отмечены В.В. Колесовым еще в древнерусском языке (*зи́мá*, *лу́на*, *ру́ка*, *ве́рста*, *тра́ва* и др. [7, с. 29–32]), но в позднем периоде развития литературного языка, как полагает В.Л. Воронцова, данное явление не получило активного распространения, а в современном русском языке отмечено в незначительном числе примеров [3, с. 60].

Во-вторых, существительные, характеризующиеся постоянным ударением на окончании **ВВ(с2)** (за исключением род. падежа мн. числа с

нулевой флексией), переносят ударение с флексии на основу в формах мн. числа, также формируя акцентную парадигму ВА (*графá – графý/графы*). Акцентная перестройка слов данного типа относится к концу XIX – началу XX в.

В-третьих, абстрактные существительные с ударением на окончании – **ВØ**, приобретая конкретное значение, формируют множественное число, падежные формы которого имеют ударение на основе (*глубинá – глубины, частотá – частоты, красотá – красоты, длиннотá – длинноты, пустотá – пустоты, стрельбá – стрéльбы*). Особенно ярко этот процесс проявлялся в профессиональной речи, позже закрепившись и в общенародном языке.

В-четвертых, существительные с акцентными парадигмами **В(с4)А** и **В(с4)А(с3,5,6)**, имевшие в полупарадигме ед. числа древнюю оппозицию Вин. падежа остальным падежным формам (**с4** – *óвицу, дóшу, зéмлю, нóру, зíму* и др.), постепенно утрачивают эту оппозицию, перенося ударение в формах Вин. пад. ед. числа на флексию (*íзбу → избú, пóлосу → полосú*), и выравнивают таким образом колумнальное ударение в формах ед. числа – тип **В**. Количество слов, сохранивших оппозицию **с4** в современном русском языке, незначительно (около 25) и постоянно сокращается.

И наконец, существительные с акцентными парадигмами **ВА(с3,5,6)** и **В(с4)А(с3,5,6)**, имеющие оппозицию Дат., Тв., Пр. падежей (**с3,5,6** – *стéны, стéн // но: стенáм, стенáми, о стенáх; срéды, срéд // средáм, средáми, о средáх* и др.), постепенно утрачивают эти оппозиции и переносят ударение в формах Дат., Тв., Пр. падежей мн. числа на основу (*стенáм → стéнам, стенáми → стéнами, стенáх → стéнах* и т. д.), приобретая таким путем формируемую акцентную парадигму **ВА**. «Судя по поэтическим материалам, – пишет В.Л. Воронцова, – резкий сдвиг в акцентовке форм косвенных падежей мн. числа – переход их к корневому ударению – происходит, как и у подвижно ударяемых имен, в начале XX в.» [3, с. 52].

Таким образом, если внимательно проследить все направления при трансформации отдельных фрагментов акцентной системы существительных

женского рода 2 склонения, то, несмотря на возникающие семантические и стилистические различия отдельных акцентных вариантов (например: *сре́ду* – день недели, *среду́* – окружающую обстановку), мы можем четко определить основные тенденции и прогнозировать возможные сценарии акцентной эволюции описываемой системы. На данном участке акцентная трансформация выглядит конвергентной, предсказуемой и управляемой. Перед данными существительными возникают два сценария развития: а) утрата любой подвижности и формирование акцентной парадигмы типа **AA** (этот сценарий больше подходит производным или малоупотребительным существительным с книжной стилистической окраской); б) употребительные в бытовой или профессиональной речи, часто непроизводные существительные стремятся к формированию акцентной парадигмы **ВА**. Других вариантов развития на современном этапе не прослеживается.

Противоположную картину демонстрируют процессы эволюции ударения у существительных жен. рода 3 склонения. Необходимо отметить, что в отличие от существительных 2 склонения, маркированных флексией жен. рода -а, существительные 3 склонения, характеризующиеся нулевой флексией, в Имен. падеже ед. числа и в формах мн. числа акцентно трудно отделимы от существительных муж. рода с мягкой основой (например: *но́чь* – *ко́нь*, *но́чи* – *ко́ни*, *ночéй* – *конéй*, *ноча́м* – *ко́ням* и т. д.), что, несомненно, отражается на последовательности склонения и на акцентной парадигме.

В современном русском языке у существительных 3 склонения сформировалось неполное акцентное противопоставление форм ед. и мн. числа, которое реализовалось в АП типа **AB(c1,4н)**, то есть с сохранением в Имен. и Вин. падежах мн. числа неодуш. существительных ударения на основе, например: **A** – *но́чь*, *но́чи*, *но́чи*, *но́чь*, *но́чью*, *о но́чи* // **B (c1 – но́чи)**, *ночéй*, *ноча́м*, **(c4н – но́чи)**, *ноча́ми*, *о ноча́х*. Трансформация акцентной парадигмы **AB (c1,4н)** в современном русском языке имеет разные сценарии эволюции (см. табл. 2).

Акцентная эволюция имен существительных жен. рода 3 склонения

АА	АВ(с1,4н)	АØ
<p>бо́ль – бо́ли грязь – грязи ма́зь – ма́зи</p>	<p>вла́сть – вла́сти (-éй, -я́м, -и, -я́ми, -я́х) ки́сть – ки́сти (- éй, -я́м, -и, -я́ми, -я́х) сте́пь – сте́пи (-éй, -я́м, -и, -я́ми, -я́х)</p>	<p>о́кись – Ø дро́жь – Ø печа́ль – Ø гру́сть – Ø ← не́фть (-éй – проф.)</p>
<p>АА ←</p>	<p>← АВ(с1,4н) →</p>	<p>→ АВ</p>
<p>XVIII в.</p> <p>за́писи ← (-ей, -ям, -ями) за́поведи ← (-ей, -ям, -ями)</p>	<p>XVIII в.</p> <p>за́пись (-и, -ью) – за́писи (-éй, -я́м, -я́ми) за́поведь (-и, -ью) – за́поведи (-éй, -я́м)</p>	<p>→ АВ</p> <p>пло́щадь (-и, -и, -ю, -и) – пло́щади → площада́ (прост.) / -éй, -я́м, -я́ми, -я́х при́быль(-и, -и, -ью, -и) – при́были → прибыля́ (прост.) / -éй, -я́м, -я́ми, -я́х о́трасль (-и, -и, -ью, -и) – о́трасли → отрасля́ (прост.) / -éй, -я́м, -я́ми, -я́х ска́терть (-и, -и, -ью, -и) – ска́терти → скатертя́ (прост.) / -éй, -я́м, -я́ми, -я́х по́дпись (-и, -ью, -и) – по́дписи → подписа́ (прост.) -éй, -я́м, -я́ми, -я́х</p>
<p>XX в.</p> <p>ве́домости ← (-ей, -ям, -ями) до́лжности ← (-ей, -ям, -ями) по́вести ← (-ей, -ям, -ями)</p>	<p>XX в.</p> <p>ве́домость (-и, -ью) – ве́домости (-éй, -я́м, -и, -я́х) до́лжность (-и, -ью) – до́лжности (-éй, -я́м, -я́ми, -я́х) по́ведь (-и, -ью, -и) – по́вести (-éй, -я́м, -я́ми, -я́х)</p>	<p>→ А(с2,3,6)В(с1,4н)</p>
	<p>АВ(с1,4н) →</p>	<p>→ А(с2,3,6)В(с1,4н)</p>

	це́пь, с це́пи, к це́пи – це́пи, -е́й, -я́м, -я́х о́сь, о́си, к о́си – о́си, -е́й, -я́м, -я́х гру́дь, гру́ди (уст.) – гру́ди, -е́й, -я́м, -я́х	→ с це́пи, к це́пи, на це́пи = це́пи, -е́й, -я́м, -я́ми, - я́х → вокруг о́си, к о́си, на о́си = о́си, -е́й, -я́м, -я́ми, -я́х → от грудí, к грудí, на грудí = гру́ди, -е́й, -я́м, -я́ми, - я́х
--	---	--

Во-первых, производные существительные с суффиксом **-ость** (*кре́пость*), а также некоторые существительные с двусложной основой (*ступе́нь*) постепенно утрачивают конечное ударение косвенных падежей мн. числа и переходят в разряд существительных с постоянным ударением типа **АА** (*ведомостéй* → *вéдомостей*, *должностéй* → *дóлжностей*, *ступенéй* → *ступе́ней*).

Во-вторых, в частотной лексике с основой на мягкий согласный у существительных как жен., так и муж. рода в Имен., Вин. пад. (неодуш. сущ.) наблюдается развитие флексии **-я́**, что приводит к выравниванию ударения в полупарадигме мн. числа (*матеря́, прибыля́ // штемпе́ля, слесаря́*) и формированию акцентной парадигмы **АВ** с оппозицией ед. и мн. числа. И хотя эти формы остаются вне границ современного литературного языка, в просторечии они широко распространены. В профессиональной речи нефтяников отмечено также формирование мн. числа у существительного *нефть* с АП типа **АО**, которое сразу же оформляется с ударением на окончании, формируя тем самым АП типа **АВ** (*нефть* – *нефтя́, нефте́й* и т. д.).

Третий сценарий развития АП типа **АВ(с1,4н)**, как отмечает В.Л. Воронцова, хотя и не представляет «магистральной» линии акцентного

развития, остается в пределах «считаемости» [3, с. 69]. Согласно этому сценарию, существительные 3 склонения по аналогии с формой Предл. падежа с обстоятельственным значением (*в степи́, в ночи́*) переносят ударение на окончание и в формах Род., Дат. падежей ед. числа (*из печи́, к ночи́*), формируя таким образом усложненную акцентную парадигму **А(с2,3,6)В(с1,4н)**. Важно отметить, что эти, акцентно маркированные, формы встречаются как в просторечии, так и в книжном стиле, в частности в поэзии XVIII – XX вв.

Именно существительные 3 склонения В.Л. Воронцова относит к области «хаотического». Она пишет по поводу форм мн. числа: «Изменения в ударении форм мн. числа имен *i*-основ не имеют единой направленности. Здесь сталкиваются две акцентные тенденции, результаты действия которых прямо противоположны. Это обуславливает наличие множества колебаний в ударении формы мн. числа в литературном языке на разных этапах его развития и усложняет вопрос о нормативной их оценке» [3, с. 75].

Сложность определения нормативности ряда форм существительных 3 склонения обусловлена также тем, что одно и то же существительное часто имеет прямо противоположные акцентные варианты и формирует разные акцентные парадигмы, в которых не прослеживается единая эволюционная линия (например: *прибыль, прибыли, прибылей* – **АА** // *прибыли, прибылѐй, прибыля́м* – **АВ(с1,4н)** // *прибыля́* (прост.), *прибылѐй, прибыля́м* – **АВ**).

Подобным хаотичным образом ведут себя и односложные существительные мужского рода, диссипативность которых усиливается, из-за чего в орфоэпических словарях они фиксируются неоднозначно, с разными акцентными парадигмами. Например:

АА	АВ	В(с1,4н)В
<i>би́нт, -а, -ы</i> (уст.)	<i>би́нт, -а, -ы́</i>	<i>би́нт, -а́, -ы́</i> (ОС, СУ, СО)
<i>шка́ф, -а, -ы</i> (уст.)	<i>шка́ф, -а, -ы́</i> (СОПУ, ОС, СУ)	<i>шка́ф, -а́, -ы́</i> (прост.)

<i>ша́рф, -а, -ы</i> (СУ, ОС, СОПУ)	<i>ша́рф, -а, -ы́</i> (прост.)	<i>ша́рф, -а́, -ы́</i> (прост.)
-------------------------------------	--------------------------------	---------------------------------

Таким образом, на разных этапах развития одного и того же процесса с единым аттрактором разные звенья акцентной системы могут вести себя целенаправленно, предсказуемо, формируя конвергентные или дивергентные процессы (2 скл.), или вести себя хаотично, непредсказуемо, центробежно (3 скл.), что крайне затрудняет процесс формирования орфоэпической нормы в речи носителей русского языка.

Источники

СУ – Агеенко Ф.Л., Зарва М.В. Словарь ударений русского языка: 82 500 словарных единиц / Под ред. М.А. Штудинера. – М.: Рольф, 2000. – 816 с.

ОС – Борунова С.Н., Воронцова В.Л., Еськова Н.А. Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы / Под ред. Р.И. Аванесова. – М.: Рус. яз., 1985. – 704 с.

ОСРЯ – Резниченко И.Л. Орфоэпический словарь русского языка: Произношение. Ударение: около 25000 ед. – М.: ООО «Изд-во Астрель»: ООО «Изд-во АСТ», 2003. – 1182 с.

СОПУ – Штудинер М.А. Словарь образцового русского ударения. – М.: Айрис-пресс, 2004. – 576 с.

Литература

1. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры. – СПб.: Алетейя, 2002. – 414 с.

2. Якобсон Р.О. Язык и бессознательное. – М.: Гнозис, 1996. – 248 с.

3. Воронцова В.Л. Русское литературное ударение XVIII – XX вв. Формы словоизменения. – М.: Наука, 1979. – 328 с.

4. Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 288 с.

5. Крушевский Н.В. Избранные работы по языкознанию / Сост. Ф.М. Березин. – М.: Наследие, 1998. – 296 с.

6. Фомина Т.Г. Русское ударение. – Казань: ДАС, 2001. – 132 с.

7. Колесов В.В. История русского ударения: Именная акцентуация в древнерусском языке. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1972. – 256 с.

И.Л. Фунтова,

кандидат филологических наук, докторант кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики, старший преподаватель кафедры индоевропейских и восточных языков Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета

Тенденции и основные правила, определяющие место словесного ударения в английском и русском языках

Ударение – это один из важнейших компонентов звуковой структуры слова. Любое слово языка воспринимается нами как наполненное значением лишь в единстве его фонемного состава и ударения. Поэтому всякое нарушение места ударения приводит либо к затруднениям в понимании значения слова (в этом случае мы говорим о нефонологических ошибках), либо к неправильному пониманию, когда одно слово принимается собеседником за другое, что является фонологической ошибкой. Для избежания этих ошибок необходимо знать тенденции и основные правила, определяющие место словесного ударения. Одной из основных тенденций, влияющих на место главного и второстепенного ударения в английском языке, является рецессивная тенденция, которую Е.А. Бурая, И.Е. Галочкина, Т.И. Шевченко [1, с. 125], а также С.Ф. Леонтьева [2, с. 225] определяют как стремление выделить ударением начало слова. Рецессивная тенденция обязательно вызывает наличие ударения, главного или второстепенного, на первом, а в некоторых случаях на втором слоге.

Как замечают И.И. Вольфсон [3, с. 11] и Г.П. Торсуев [4, с. 180 – 181], поскольку уже в древнеанглийском языке ударением выделялся семантически наиболее важный корневой слог, который обычно являлся первым или вторым,

если ему предшествовал префикс (например, «`better», «`happiness», «in`deed», «for`give»), при пополнении словарного состава английского языка заимствованиями, последние также постепенно подчинялись фонетическим закономерностям усвоившего их языка и получали ударение на первом или на втором слоге. Так, слова скандинавского происхождения, вошедшие в английский язык в период скандинавского завоевания (конец IX в. – середина XI в.), следуют тому же принципу постановки ударения: «`husband», «`window» и др. Слова французского происхождения, вошедшие в среднеанглийский язык в период норманнского завоевания (со второй половины XI в. по XV в.), подчинились в своем большинстве тому же самому принципу: «`colour», «`marriage» и др. Однако слова французского происхождения, вошедшие в английский литературный язык в XV – XVI вв. и позже, часто сохраняют ударение на последнем слоге, следуя своему французскому образцу, например: «ma`chine», «u`nique» и др.

Другой тенденцией, определяющей место ударения в слове, является ритмическая тенденция, при которой ударные слоги чередуются с безударными. И.И. Вольфсон [3, с. 11 – 12] пишет, что причиной ее является трудность произношения двух ударных слогов подряд, поэтому второстепенное ударение в простых и производных словах никогда не падает на слог, непосредственно предшествующий слогу с главным ударением. Г.П. Торсуев [4, с. 180 – 181] отмечает, что заимствованные многосложные слова, состоящие из четырех и более слогов, стали подчиняться этой ритмической тенденции чередовать ударные слоги с неударными, получая второстепенное ударение: тем самым они как бы делились двумя ударениями на два отрезка, которые структурно-ритмически совпадали с короткими словами, составляющими основу английского словаря. Так, в многосложных существительных на -ity, -ude, прилагательных на -al, -ive и глаголах на -ate, -ise (-ize, -yse), -fy, -ly, -ry, где главным ударением выделяется третий слог от конца, при наличии пяти-шести слогов появляется второе, более слабое ударение на пятом слоге от конца: «'conti`nuity» («непрерывность»), «di`visi`bility» («делимость»),

«'indi`vidual» («отдельный, частный; индивидуальный»), «'inter`jaculate» («вставлять замечание; перебивать»). E. Fudge [5, p.5] обозначает главное ударение знаком (˘) перед ударным слогом в слове, а второстепенное ударение – знаком (˙).

Как пишет Г.П. Торсуев [4, с. 182], одновременное действие двух тенденций – рецессивной и ритмической – объясняет расстановку ударений в существительных с суффиксами -tion, -sion, имеющих четыре и более слогов, например: «'conver`sation», «e`xami`nation». Первоначально последний слог -on был ударным; ритмическая тенденция привела к развитию главного ударения на третьем слоге от конца (сейчас он второй, а ранее был третьим, так как гласный (I) был слоговым). Одновременно, согласно рецессивной тенденции и на фоне ритмического ударения развивалось второстепенное ударение на первом (или втором) слоге, т.е. пятом от конца. Последний слог стал безударным.

Третья тенденция, которая также влияет на место ударения в слове, – это ретентивная (удерживающая) тенденция. Она заключается в том, что в производном слове удерживается ударение исходного слова, т.е. в производном слове появляется второстепенное ударение на том слоге, который является носителем главного ударения в исходном слове, например: «to per`sonify» («олицетворять») – «per'sonifi`cation» («олицетворение»), «to `realize» («понимать; осуществлять») – «'reali`zation» («осознание; осуществление»).

И.И. Вольфсон [3, с. 14] также считает, что ретентивная тенденция влияет и на качество безударных гласных. В некоторых случаях отсутствие редукции вызывается тенденцией сохранить в производном слове полный гласный ударного слога исходного слова, когда второстепенное ударение не может появиться из-за воздействия ритмической тенденции, например: «to expect» (Ik`spekt) («ожидать») – «expectation» ('ekspek`teIFn) («ожидание»), «to exult» (Ig`z^lt) («радоваться, ликовать») – «exultation» ('egz^l`teIFn) («ликование»). В приведенных примерах гласный второго слога производных слов является

нередуцированным, как и ударный гласный соответствующих исходных слов, в чем, по-видимому, проявляется ретентивная тенденция.

На место английского словесного ударения влияет и семантический фактор, в результате чего сложные слова, оба элемента которых в смысловом отношении одинаково важны, приобретают два ударения, равных по силе. Так, два сильных ударения имеют слова с приставками, значение которых ярко выражено и которые коренным образом меняют смысл слова. К приставкам, имеющим сильное ударение, В.А. Васильев [6, с. 93 – 94] относит: 1) отрицательные приставки: un-, dis-, non-, in- (il-, im-, ir-), например: «`un`known» («неизвестный»), «`disbe`lief» («неверие; недоверие»), «`non-`final» («неконечный»), «`incon`venient» («неудобный; затруднительный»), «`il`legible» («нечеткий, неразборчивый»), «`imper`ceptible» («незаметный, незначительный»), «`ir`regular» («нестандартный; неравномерный»); 2) ex- в значении «бывший»: «`ex`president» («бывший президент»); 3) re- при повторении действия: «to `re`write» («переписать»); 4) under- в разных значениях (подчинение, содействие, недостаточность и др.): «to `under`do» («недоделывать»), «to `under`feed» («недокармливать; недоедать»); 5) anti- в значении «против»: «`anti`war» («антивоенный»), «`anti`septic» («антисептический»); 6) sub- в значении «подчиненный», «помощник»: «`sub`li`brarian» («помощник библиотекаря»), «`sub-`editor» («помощник редактора»); 7) inter- в значении «между-», «внутри»: «`inter`national» («международный, интернациональный»), «`inter`change» («обмен»); 8) mis- в значении «неправильно»: «to `misin`terpret» («неверно понимать»); 9) vice- в значении «вице-»: «`vice-`president» («вице-президент»); 10) over- в значении «излишне»: «to `overex`cite» («чрезмерно взволновать»); 11) pre- в значении «до», «ранее», «предварительно»: «`pre`war» («довоеенный»), «`pre`paid» («предварительно оплаченный»); 12) out- в значении «превосходить, превышать»: «to `out`do» («превзойти; преодолеть»), «to `out`go» («превосходить, опережать»); 13) arch- в значении «архи-» («главный, старший»): «`arch-`heretic» («старший еретик»), «`arch`bishop» («архиепископ»); 14) ultra- в значении «сверх-», «крайне»:

«`ultra`critical» («сверхкритический; крайне опасный»), «`ultra`modern» («сверхсовременный»). Два сильных ударения также имеет большинство сложных прилагательных, оба элемента которых семантически равноценны («`light-`blue», «`bare-`footed»), сложные глаголы («`come `in», «`get `up») и числительные от 13-ти до 19-ти («`thir`teen»).

От семантического веса составных частей зависит и ударение в сложных существительных. В большинстве случаев семантически более важный элемент находится в начале, поэтому слово имеет одно сильное ударение на первом элементе и третьестепенное (слабое второстепенное) ударение, которое J.C.Wells [7, p. 683] обозначает знаком (o), – на втором элементе, например: «`apple-o`tree», «`book-ing-o`office», «`water_o`bus», «`sun_o`bather», «`metal_o`work». Во всех этих примерах первый элемент определяет второй. Так, в слове «`apple-o`tree» второй элемент означает более общее понятие, тогда как первый уточняет, суживает его; «`apple-o`tree» может быть противопоставлено «`pear-o`tree», «`oak-o`tree» и т.д. Ударение на первом элементе сложного существительного организует его как особую лексическую единицу, значение которой не равно сумме слагаемых слов. Выделение же сильными ударениями обоих элементов превращает сложное существительное в свободное сочетание определения с определяемым словом.

В английском языке сравнительно немного сложных существительных, имеющих определяющее слово на конце, а также сложных существительных, оба элемента которых имеют одинаковый семантический вес. В таких существительных сильным ударением выделяется либо второй элемент, например, в слове «o`man`kind» («человечество»), либо оба элемента имеют сильные ударения: «a `looker-`on» («зритель, наблюдатель»), «`absent-`mindedness» («рассеянность»). Следует также отметить, что в быстрой речи слова с двумя сильными ударениями подчиняются общей ритмике фразы, в результате чего происходит ослабление первого или второго ударения в зависимости от наличия другого сильноударного слога, находящегося в непосредственной близости, т.е. ослабляется срединное ударение между двумя

сильными: «There were 'fif[˚]teen students _othere. – There were 'just [˚]fifteen»; «He is an 'absent – minded man. – He is 'so[˚]absent - minded». Это явление называется перераспределением (сдвигом) ударений [8, с. 51].

Таковы основные тенденции, определяющие место английского словесного ударения. Каждая из этих тенденций (рецессивная, ритмическая, ретентивная, семантическая) проявляется специфическим образом, и все они находятся в закономерном взаимодействии, что позволяет сформулировать правила нахождения мест словесных ударений в английском языке.

В русском языке, как отмечает Л.В. Златоустова [9, с. 288], длина слова колеблется от нуля до двенадцати слогов (имеются в виду только начальные формы слов, в том числе неслоговые предлоги и частицы). Наиболее распространены при этом трех-, четырех-, пяти-, а также двусложные слова. Преимущественное место словесного ударения в русском языке обусловлено двумя тенденциями: тяготением к центру слова и предпочтением второй половины слова. Представляют интерес и наблюдения над соотношением ударения и морфемного строения слова: в подавляющем большинстве случаев ударным в слове является корень (70 – 80%), достаточно редко ударение падает на суффикс (10 – 18%) или флексию (1 – 9%) и крайне редко ударной бывает префиксальная морфема (0 – 0,9%).

Ю.Г. Лебедева [10, с. 14] отмечает целесообразность выделения в русском языке основных правил постановки ударений по частям речи в двух основных направлениях: 1) слова с фиксированным ударением (на флексии, суффиксе, слоге, предшествующем суффиксу); 2) сдвиги ударения (с основы на флексию и наоборот).

При определении правил постановки ударений в существительных целесообразно взять за основу категорию рода. Следующие существительные мужского рода имеют стабильное ударение: 1) существительные, имеющие «беглые» гласные «о» и «е», выпадающие при склонении, всегда произносятся с ударными окончаниями во всех формах: «отéц – отцá – отцú – отцóм – об отцé», «потолóк – потолоká – потолокú – потолокóм – о потолоké»; 2)

существительные, оканчивающиеся на -у, -ю в предложном падеже, всегда имеют ударное окончание: «на мосту́», «в саду́»; 3) многие существительные мужского рода имеют во множественном числе ударное окончание -а: «адреса́», «вечера́», «глаза́», «номера́», «доктора́», «лесá», «поезда́» и др. Ударное окончание -а во множественном числе принимают существительные с полногласными сочетаниями -оло-, -оро-, -ере-, -еле- (они обычно имеют ударение на начальном слоге в единственном числе): «хóлод – холода́», «гóрод – города́», «бéрег – берега́». Однако необходимо отличать формы множественного числа и родительного падежа единственного числа: «из гóрода – наши города́»; 4) постоянное ударение бывает на следующих суффиксах: -ист: «журнали́ст», «коммуни́ст»; -ант (-янт): «музыка́нт», «спекуля́нт»; -ент: «студе́нт», «докуме́нт»; -ёр: «стаже́р», «боксе́р»; -ионер: «коллекционе́р», «милиционе́р»; -изм: «капита́лизм», «социа́лизм»; -анин (-янин): «горожа́нин», «киевля́нин»; -ат: «дипломáт», «делега́т»; -ьон: «бата́льон», «бу́льон»; 5) существительные, оканчивающиеся на -лог и -граф, не имеют на этих частях ударения: «фило́лог», «эпи́граф»; 6) существительные с суффиксом -ик не имеют фиксированного ударения на суффиксе: «акаде́мик», «крити́к»; 7) префиксальные формы в русском языке обычно имеют безударные приставки: «расхо́д», «прице́л», «перехо́д».

В существительных женского рода большую трудность представляют сдвиги ударения. Ю.Г. Лебедева [10, с. 15] выделяет три основных случая: 1) сдвиг ударения с окончания –а (-я) на основу при образовании форм множественного числа: «война́ – во́йны», «земля́ – зе́мли»; 2) сдвиг ударения с окончания -а (-я) на основу в формах винительного падежа единственного числа: «рука́ – ру́ку», «земля́ – зе́млю»; 3) сдвиг ударения с основы на окончание в формах косвенных падежей множественного числа в большинстве существительных 3-го склонения: «но́вости – новосте́й – новостя́м – новостя́ми – о новостя́х», «о́бласть – областе́й – областя́м – областя́ми – об областя́х». Многие существительные 3-го склонения в предложном падеже имеют ударение на окончании -и: «на дверя́и», «в степя́и», «в грудя́и».

Постоянное ударение во все падежных формах имеют следующие существительные женского рода: 1) с ударением на суффиксах: -овка (-ёвка): «листо́вка», «путё́вка»; -ур(а): «аспиранту́ра», «литерату́ра»; -ель: «мете́ль», «колыбе́ль» (но: «ги́бель», «ме́бель»); 2) с ударением на флексиях: -от(а): «доброта́», «красота́»; -отн(я): «болтовня́», «беготня́»; -изн(а): «новизна́», «белизна́»; -ба: «ходьба́», «стрельба́». Необходимо также обратить внимание на то, что следует строго различать ударение в формах множественного числа и родительного падежа единственного числа: «суровые зи́мы – с прошлой зимы́».

Для существительных среднего рода характерны следующие особенности постановки ударений: 1) постоянное ударение во всех формах единственного и множественного числа имеют существительные с суффиксами: -ени(е): «движе́ние», «стре́мление»; -ани(е): «взыска́ние», «страда́ние»; -ств(о): «бога́тство», «ра́венство»; -стви(е): «препятствие́», «сле́дствие»; -ти(е): «разви́тие», «собы́тие»; -ишк(о), -ышк(о): «горо́дишко», «со́лнышко»; -ечк(о): «месте́чко», «коле́чко»; -ищ(е): «жили́ще», «ту́ловище»; 2) у существительных в форме родительного падежа множественного числа с нулевым окончанием ударение падает на последний гласный: «зерка́л», «серде́ц», «чуде́с» (исключение: «кру́жев»); 3) существительные на -мя имеют в формах множественного числа ударение на окончании (кроме существительного «знамя»), а в родительном падеже множественного числа имеют нулевое окончание: «и́мя – именá – имён – именáм – именáми – об именáх», «вре́мя – временá – времён – временáм – временáми – о временáх»; 4) в ряде двусложных слов происходит сдвиг ударения при образовании форм множественного числа. Если в единственном числе ударение падает на основу, то во множественном числе оно переходит на окончание: «мо́ре – моря́», «сло́во – слова́». (Исключения: «крéсло – крэ́сла», «бла́го – бла́га»). Если же в единственном числе ударение падает на окончание, то во множественном числе оно переходит на основу: «число́ – чи́сла», «пятно́ – пята́»; 5) следует строго

различать формы множественного числа и единственного числа родительного падежа: «У них счастливые лица». – «Я не видел его лица».

Говоря об ударениях в прилагательных, Ю.Г. Лебедева [10, с. 122] выделяет следующие группы прилагательных с постоянным ударением: 1) прилагательные мужского рода с ударным окончанием -ой: «родно́й», «голубо́й»; 2) прилагательные с ударными суффиксами: -оват (-еват): «зеленова́тый», «синева́тый»; -ит: «знамени́тый», «серди́тый»; -овит: «Ледови́тый», «ядови́тый»; -ическ: «крити́ческий», «хрони́ческий»; -ат: «рога́тый», «лохма́тый»; -ин: «кури́ный», «звери́ный»; -аст: «глаза́стый», «вихра́стый»; -ичн: «едини́чный», «годи́чный»; -ав (-яв): «велича́вый», «кудря́вый»; -истск: «маркси́стский», «большеви́стский»; -анск (-янк): «испа́нский», «италья́нский»; -ийск: «альпи́йский», «олимпи́йский»; -ач (-яч): «соба́чий», «бродя́чий»; 3) прилагательные с суффиксами -чат, -чив, -тельн, -еньк, -оньк имеют фиксированное ударение на гласном, предшествующем суффиксу: «взры́вчатый», «дове́рчивый», «удиви́тельный», «сла́бенький», «пло́хонький»; 4) прилагательные, образованные от существительных при помощи суффикса -ск, обычно сохраняют ударение существительного (за исключением тех случаев, когда прилагательные имеют окончание -ой: «морско́й», «донско́й»), например: «апре́ль – апре́льский», «Ленингра́д – ленингра́дский»; 5) в именах прилагательных сравнительной степени с суффиксом -е ударение всегда падает на основу («бли́же», «ста́рше», «я́рче»), а в прилагательных с суффиксом -ее ударение падает на суффикс, если краткая форма женского рода имеет ударение на окончании: «бела́ – белее́», «светла́ – светлее́», но: «суро́ва – сурове́е», «краси́ва – краси́вее»; 6) в превосходной степени суффикс -айш- всегда ударен: «велича́йший», «глубоча́йший». В формах с суффиксом -ейш- ударение сохраняется на тех же слогах, что и в сравнительной степени: «сильне́е – сильне́йший», «краси́вее – краси́вейший». Сдвиги ударений наблюдаются в кратких формах прилагательных: с основы прилагательных мужского рода на окончание в женском роде, например: «моло́д – молодá», «глуп – глупá», «весе́л – веселá».

Как отмечает Ю.Г. Лебедева [10, с. 17], ударение в глаголах и глагольных формах (причастиях и деепричастиях) характеризуется многообразием акцентологических норм, поэтому целесообразно выделить лишь наиболее продуктивные и активные модели. Постоянное ударение имеют следующие глаголы: 1) глаголы совершенного вида с приставкой вы-, которая всегда является ударной: «вы́ехал», «вы́скочил». При изменении вида глагола место ударения меняется: «вы́рос – выраста́л»; 2) глаголы несовершенного вида с суффиксом -ива (-ыва) имеют ударение на гласном, предшествующем суффиксу: «устрáивать», «расска́зывать»; 3) в глаголах на -овывать (-ёвывать) ударение всегда падает на -ов (-ёв): «организо́вывать», «завоё́вывать»; 4) в отыменных глаголах на -ничать сохраняется ударение производящего имени: «сплётник – сплётнича́ть», «разбо́йник – разбо́йнича́ть»; 5) основная масса глаголов на -ировать имеет ударение на -и: «гаранти́ровать», «плани́ровать». Ударение на -ва встречается в ограниченной группе слов, к которым относятся следующие: «формиро́вать», «группиро́вать», «трениро́вать», «марширо́вать» и некоторые другие. Глаголы на -изировать также всегда имеют ударение на -ир: «импровизи́ровать», «демократизи́ровать»; 6) глаголы на -ствовать обычно имеют ударение на гласном, предшествующем суффиксу: «вла́ствовать», «способо́вствовать»; 7) глаголы с суффиксом -ну в значении постепенно усиливающегося действия имеют ударение на основе: «мо́кнуть», «крéпнуть». Однако большинство глаголов с данным суффиксом в значении быстрого или однократного действия имеют ударение на суффиксе, например: «толкнúть», «моргну́ть», «рискну́ть», но: «пры́гнуть», «вспы́хнуть», «вскри́кнуть», «вздрóгнуть»; 8) глаголы с суффиксом инфинитива -ва после корней да-, зна-, ста- в настоящем времени имеют ударение на окончании во всех формах спряжения (при этом суффикс -ва исчезает): «дава́ть – даю́ – даёшь – даёт – даём – даёте – даю́т», «вставáть – встаю́ – встаёшь – встаёт – встаём – встаёте – встаю́т», «узнава́ть – узнаю́ – узнаёшь – узнаёт – узнаём – узнаёте – узнаю́т»; 9) глаголы, оканчивающиеся в инфинитиве на -ти, имеют ударение на последнем гласном: «идти́», «цвести́»; однако если совершенный вид образуется при

помощи приставки вы-, то ударение переходит на приставку: «вѳйти», «вѳнести»; 10) ударение в глаголах, оканчивающихся в инфинитиве на -чь, обычно бывает на последнем гласном: «берѳчь – берѳгу – берѳѳшь – берѳѳт – берѳѳм – берѳѳте – берѳѳт», «берѳг – берѳгла – берѳгли»; 11) если ударение в инфинитиве падает не на последний слог, оно остается неизменным во всех формах спряжения: «прѳверить – прѳверю – прѳверишь – прѳверит – прѳверим – прѳверите – прѳверят», «прѳверил – прѳверила – прѳверили»; «дѳмать – дѳмаю – дѳмаешь – дѳмает – дѳмаем – дѳмаете – дѳмают», «дѳмал – дѳмала – дѳмали».

Сдвиги ударений наблюдаются в следующих случаях: 1) сдвиг ударения в ряде глаголов настоящего и будущего времени на предшествующий слог (за исключением форм 1-го лица единственного числа), например: «прѳсить – прѳшу – прѳсишь – прѳсит – прѳсим – прѳсите – прѳсят». К наиболее употребительным глаголам со сдвигами ударения относятся: «борѳться», «варѳть», «водѳть», «возѳть», «давѳть», «держѳть», «дышѳть», «искѳть», «кормѳть», «лечѳть», «ловѳть», «любѳть», «носѳть», «обманѳть», «писѳть», «платѳть», «получѳть», «принѳть», «прѳсить», «смотрѳть», «становѳться», «терпѳть», «хотѳть» и др. Однако немалое количество двусложных глаголов на -ать (-ять), -еть, -нуть, -овать (-евать) в формах настоящего и будущего простого времени имеет фиксированное ударение: «читѳть – читѳю – читѳют», «краснѳть – краснѳю – краснѳют», «толкнѳть – толкнѳю – толкнѳт», «организовѳть – организѳю – организѳют» и т.д.; 2) в ряде глаголов прошедшего времени наблюдается сдвиг ударения с основы на окончание в формах женского рода: «взѳл – взѳла», «прѳнял – прѳняла». К таким глаголам относятся следующие: «быѳть», «братѳть», «взѳть», «дать», «жить», «занѳть», «зватѳть», «начѳть», «отдѳть», «отнѳть», «пить», «плыѳть», «поднѳть», «понѳть», «принѳть», «снѳть», «спатѳть» и др.; 3) частицы «не» и «ни» могут перетягивать на себя ударение в сочетании со следующими глаголами прошедшего времени единственного числа мужского и среднего рода, а также с глаголами

прошедшего времени множественного числа: «не́ жил», «не́ было», «не́ дали», «кто бы то ни́ был», «как бы то ни́ было».

Таким образом, словесное ударение в русском языке имеет более сложную структуру, чем в английском языке, являясь подвижным, вследствие чего оно может переходить с одного слога на другой в разных формах одного и того же слова. Преимущественное же место словесного ударения в русском языке обусловлено двумя тенденциями: тяготением к центру слова и предпочтением второй половины слова.

Следовательно, как справедливо замечает Л.А. Телегин [11, с. 7], необходимо помнить, что ударение является не просто акустико-артикуляционным явлением, а фактором языка, компонентом формальной структуры значимых единиц языка, и правильное ударение в слове – это необходимое условие взаимопонимания.

Литература

1. Бурая Е.А., Галочкина И.Е., Шевченко Т.И. Фонетика современного английского языка. Теоретический курс: Учеб. для студ. лингв. вузов и фак. – М.: 2006.
2. Леонтьева С.Ф. Теоретическая фонетика современного английского языка: Уч. для студентов пед. вузов и ун-тов. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: 2004.
3. Вольфсон И.И. Словесное ударение в английском языке: Автореф. ... канд. филол. наук. – М.: 1960.
4. Торсуев Г.П. Фонетика английского языка. – М.: 1950.
5. Fudge E.C. English Word-Stress. – London: George Allen & Unwin, 1984. – P. 5.
6. Васильев В.А., Катанская А.Р., Лукина Н.Д., Маслова Л.П., Торсуева Е.И. Фонетика английского языка. Нормативный курс: Уч. для ин-тов и фак. иностр. языков. – 2-ое изд., перераб. – М.: 1980.
7. Wells J.C. Longman Pronunciation Dictionary. – Edinburg: Longman Group UK Limited, 1990. – P. 683.

8. Троцинская А.Е., Фунтова И.Л. The Phonetic Analysis of the Text (Уч.-метод. пособ. по англ. яз.). – М.: 2007.

9. Златоустова Л.В., Потапова Р.К., Потапов В.В., Трунин-Донской В.Н. Общая и прикладная фонетика: Учеб. пособ. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: 1997.

10. Лебедева Ю.Г. Звуки, ударение, интонация: Учеб. пособие по фонетике русского языка для иностранцев. – М.: 1975. – С. 14.

11. Телегин Л.А. Морфонологическое использование английского словесного ударения. – Самарканд: 1976.

Е.М. Хакимова,

кандидат филологических наук доцент кафедры массовой коммуникации,

ФГБОУ ВПО «ЮУрГУ», г. Челябинск

Нормы современного русского ударения: динамика синхронии

Постановка словесного ударения регламентируется акцентными нормами. Специфика указанного ортотипа обусловлена тем, что, выполняя множество функций (конститутивную, дистинктивную, делимитативную, дифференцирующую, ритмообразующую, экспрессивную), разноместное и в некоторых случаях подвижное русское ударение связано как со звуковой стороной языка, так и со слово- и формообразованием. Акцентные нормы, отражающие в большинстве своем не абсолютные, а вероятностные закономерности, являются настолько сложными и разнообразными, что еще в 1927 г. Д.Н. Ушаков на вопрос о том, существуют ли законы правильной постановки ударения, отвечал, что установленных правил ударения нет. С тех пор в лингвистике произошли значительные изменения: анализ научной литературы свидетельствует о том, что отечественными и зарубежными исследователями выявлен ряд значимых для русской акцентуации детерминант, определяющих онтологические основания рассматриваемого ортотипа.

1. Квантитативные характеристики гласных в ударном и околоударных слогах. Т.Г. Фомина [8] отмечает, что собственная максимальная интенсивность и длительность гласных [э] и [и] меньше, чем у гласного [а], и это обстоятельство способствует акцентным колебаниям: при фонетической адаптации слова в литературном языке (*p[E]nalty > пенАльти*) и просторечии (*жалюзИ / *жАлюзи*) ударение может смещаться на [а].

2. Тенденция к ритмическому равновесию, проявляющаяся в смещении ударения к центру слова. Ссылаясь на исследования А.И. Моисеева, К.С. Горбачевича, Н.С. Валгина [1] указывает, что данная акцентная закономерность активно реализуется в многосложных глаголах (*абонировАть > абонИровать*) и прилагательных (*мУскулистый / мускулИстый, возрастнОй → великовОзрастнЫй*).

3. Грамматикализация ударения, связанная с акцентной дифференциацией грамматических форм. Работы В.Л. Воронцовой [3], Е.Б. Куракиной [5] и других исследователей позволяют сделать вывод о том, что указанная тенденция актуальна как для именного, так и для глагольного ударения. В частности, результаты лингвистических экспериментов свидетельствуют о росте подвижности в ряде акцентных парадигм существительных и прилагательных: *казак – казАки / казакИ* (7 и 93 % употреблений соответственно); *властен, властно, властны – властна / властна* (21 и 79 %). Следствием влияния рассматриваемого фактора является также распространение регрессивного ударения среди форм настоящего и простого будущего времени глаголов на -ить: *поЮ – поИт / поИт* (79 и 21 %).

4. Акцентная унификация по аналогии. Данная тенденция захватывает как формообразование, так и словообразование. Так, по данным Е.Б. Куракиной, под действием аналогии происходит выравнивание акцентных оппозиций в формах одного числа существительных: *щекА – щёКу / щекУ* (5 и 95 %); кратких формах прилагательных: *пестрА – пёстро / пестрО* (17 и 83 %). Высокой активностью отличается унификация в области глагольного ударения, например, в современной русской речи регулярно возникают акцентные

колебания в форме прошедшего времени, вызванные аналогией с формами 1) женского рода: *далА* – *дало* / *далО* (20 и 80 %); 2) инфинитива: *налИть* – *наАлили*, *налИли* (7 % и 93 %); невозвратных коррелятов: *зАпер* – *заперСЯ* / *зАперся* (8 и 92 %).

Значимость акцентной аналогии для словообразования можно продемонстрировать на примере существительных с суффиксом -от-: они имеют ударное окончание, если образованы от прилагательных, и ударную основу, если являются отглагольными единицами: *полный* → *полнотА*, *сырый* → *сиротА*; *дремать* → *дремОта*, *ломать* → *ломОта*. По мнению Н.С. Валгиной, акцентные колебания у русских прилагательных, произведенных от заимствованных существительных, обусловлены влиянием аналогичных исконных вариантов: *лОзунговый* / *лозунгОвый* (ср.: *слиВовый* / *сливОвый*).

Следует отметить, что грамматикализация ударений и акцентная унификация по аналогии, являясь противонаправленными тенденциями, ограничивают действие друг друга. Грамматикализация обеспечивает подвижность русского ударения, стимулируя акцентную дивергенцию, доминирующую в сфере именного ударения. Унификация по аналогии преобладает в области глагольного ударения, актуализация данного фактора приводит к усилению акцентной неподвижности, связанной с конвергентными ортологическими процессами.

5. Прагматизация акцентного варьирования, позволяющая говорящему указать на степень освоенности обозначаемых реалий, выводит ударение за пределы языковой системы. Мы полагаем, что данная детерминанта соотносится с несколькими семантическими аспектами:

1) тривиальное / нетривиальное. Корреляция между акцентными характеристиками слова и степенью «фамильярности», которую адресант проявляет по отношению к предмету, рассмотрена в работах А.А. Зализняка [4], установившего, что в русском языке идея привычности выражается ударением на окончании соответствующих существительных, а идея непривычности – ударением на основе: **тортЫ* (*тортА*) / *тОрты*, **фирмА* / *фИрма* и др.

Похожая закономерность реализуется при употреблении прилагательных: *модЕрновый / модернОвый*;

2) элитарное / неэлитарное. Данный аспект связан с социолингвистическим маркированием русских фамилий, ставшим предметом изучения в работе Б.А. Успенского [6]. Осмысливая акцентные колебания при их употреблении, исследователь приходит к выводу о том, что прогрессивное ударение в этой группе слов выступает в качестве многофункционального индикатора: а) ударное окончание *-ой* встречается только в великорусских аристократических фамилиях (*ТрубецкОй*), отличая их от польских или украинско-белорусских фамилий (*ЗлотарЕвский, РозумОвский*), а также от русских фамилий духовного происхождения (*Тредиаковский*), имеющих ударение на основе; б) исходные варианты дворянских фамилий с суффиксами *-ов / -ев*, восходящие к собственным именам с финалью *-ко* (*МихАлко*), имеют ударение на производящей основе (*МихАлков*), а перемещение акцента на конец слова (*МихалкОв*) приводит к вульгаризации антропонима. Понятно, что в обоих случаях вектор акцентологической динамики непосредственно зависит от системы социальных ценностей и может изменяться вместе с ней. Показательны в этом отношении колебания ударения, обнаруженные в речи представителей семьи Михалковых и отраженные в следующем комментарии: «Сергей Владимирович, Андрей Сергеевич всегда говорили – МихалкОв. А вот Никита Михалков поправил однажды: Мы МихАлковы. Такая мелочность в ударении фамилий меня смешит!» (<http://maxpark.com/user/1735298109/content/1688512>). Очевидно, приведенная поправка Никиты Михалкова относится к постсоветскому периоду;

3) аутентичное / неаутентичное. Указанный аспект актуализируется в условиях конкуренции заимствованного и русифицированного акцентных вариантов: *ВАшингтон / ВашингтОн, МАрлон БрАндо / МарлОн БрандО* и др. Современная языковая ситуация такова, что носители языка, в том числе профессиональные коммуникаторы, нередко выбирают формы с регрессивным

ударением, соответствующие особенностям произношения употребляемых единиц в языке-источнике.

Рассмотренные прагматические составляющие акцентного варьирования объединены тем, что во всех случаях ударение используется как знак принадлежности адресанта к определенной социальной группе, выполняющий парольную функцию («я свой среди профессионалов – аристократов – людей из народа – тех, кто владеет иностранным языком, и т. д.»).

Выявленные детерминанты образуют многовекторный комплекс, оказывающий сложное влияние на современную русскую акцентологическую систему, звенья которой могут вести себя как целенаправленно, так и непредсказуемо, хаотично [7]. Это чрезвычайно затрудняет освоение акцентного ортотипа не только иностранцами, но и коммуникантами, для которых русский язык является родным.

Следует отметить, что доминирующие стратегии решения данной задачи у представителей указанных групп различаются. Эффективное освоение чужих ортологических феноменов, в том числе и норм ударения, включает в себя обращение к лингвистическим моделям, которые, как указывает В.Н. Волошинов [2], изначально созданы для того, чтобы прокладывать дорогу в неизведанный мир другой языковой реальности. Исследователь полагал также, что для говорящих на родном языке (если, конечно, это не филологи) информация метаязыкового характера в ряде случаев не является актуальной, так как система металингвистических категорий менее всего является продуктом их познавательной рефлексии.

Представления непрофессиональных носителей русского языка об ортологическом аспекте современной акцентологии периодически становятся предметом активного обсуждения в ходе интернет-дискуссий на лингвистические темы. Анализ одного из таких источников (<http://maxpark.com/user/1735298109/content/1688512>) позволяет сделать вывод о том, что, по мнению многих коммуникантов, объективные ортологические феномены, регламентирующие акцентные реализации, не более чем фикция:

Мы знаем, что в некоторых языках существуют правила ударения... Но в русском языке правил ударения нет! Почему же тогда мы делаем замечание тому, который, на наш взгляд, делает ударение не там, где предписано книжкой для дикторов?

Приняв тезис об отсутствии общих «правил ударения» в русском языке в качестве исходной посылки, далее собеседники пытаются определить, чем следует руководствоваться при выборе акцентных вариантов, предлагая учитывать ряд критериев:

1) эвфоническую состоятельность языковой единицы: Коли нет правил ударения – можно ставить ударение там, где вам кажется благозвучнее!;

2) ее функциональность: Главное, чтобы вас понимали те, с кем вы разговариваете!;

3) узус окружения: В разговорах я мысленно автоперевожу ударения с забайкальских, на московские, а затем на поволжские, чтобы соответствовать собеседнику данной местности;

4) степень авторитетности информанта: У нас в старом доме жила вредная старуха. Как-то Витька Батищев произнёс: «ТвОрог». Старуха взвилась и чуть не ударила Витьку: «Надо говорить «творОг! Запомни!» Я говорил до этого, как старуха учила, но с тех пор стал говорить «твОрог» назло старухе!.

Особое внимание уделяется вопросу об эффективных способах освоения предпочитаемых акцентных форм. Участниками дискуссии указываются следующие эффективные мнемотехники:

1) использование рифмы: *Запомнил, как мама меня в детстве научила – договОр – помидОр;*

2) обращение к ритмически организованным фразам, обладающим не только выразительной формой, но и забавным содержанием: *Как говаривал один пожилой профессор филологии: «Пятьдесят прОцентов моих дОцентов ходят на службу с нОртфелями и носят в них дОкументы, а остальные пятьдесят процЕнтов моих доцЕнтов – с портфЕлями и носят в них докумЕнты»;*

3) актуализация эмоционально маркированных ассоциаций, значимых для конкретного индивида: *В слове «звонИт» надо делать ударение на И, чтобы ассоциация была хоть с нИтками, только бы не с отвратительной вОнью.*

Значимо, что в рассматриваемом материале представлена и альтернативная точка зрения: *Существуют правила ударения и в русском языке. Только они, как и весь наш язык сложнее, чем, допустим, правила французские. Доказывая приведенное утверждение, коммуниканты ссылаются на лингвистические источники, в которых акцентная норма представлена эксплицитно: А ты не пробовал открывать орфографический словарь русского языка? Там есть ударение, и род, до кучи; Рассказывать о них здесь – не получится: слишком много места займёт. Возьмите лучше учебник. «Орфоэпия» называется.*

В центре внимания группы оказываются также аргументы и обобщения, претендующие на научность: *Ударения в иностранных словах часто ставятся не правильно именно из-за влияния внутреннего строя русского, слова в котором строятся по ВОЗРАСТАЮЩЕЙ ЗВУЧНОСТИ СЛОГА. На флоте служили русские крестьяне. Ну не может русский сказать «кОмпас», потому что есть закон Фортунатова-де Соссюра о перемещении ударения к концу слова. Писалось и ощущалось КОМПАСЬ и «ъ» был слогаобразующим... Ударения в исконно русских словах – вопрос структуры, еще не понятой «филолухами». Тут только эмпирические наблюдения. Вопрос ударений в инословах – вопрос культуры. Нетрудно заметить, что в подобных квазилингвистических легендах термины и имена ученых используются в качестве суггестивных средств, направленных на усиление убедительности доводов и повышение престижа адресанта.*

Важность изучения источников, отражающих лингвистические представления неспециалистов, трудно переоценить. Она обусловлена тем, что исследование таких материалов позволяет выявить версию бытия акцентной нормы с позиций обыденного метаязыкового сознания, а также получить информацию о комфортных для языкового коллектива способах овладения

нормативными акцентными реализациями, что важно для развития лингводидактического аспекта современной ортологии.

Литература

1. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке / Н.С. Валгина / <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook050/01/title.htm> (дата обращения: 04.11.2016).

2. Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке / В.Н. Волошинов. – М.: Лабиринт, 1993. – 188 с.

3. Воронцова В.Л. Русское литературное ударение XVIII–XX вв. (Формы словоизменения) / В.Л. Воронцова. – М.: Наука, 1979. – 328 с.

4. Зализняк А.А. Механизмы экспрессивности в языке / А.А. Зализняк. – http://www.ruslang.ru/doc/melchuk_festschrift2012/Zaliznjak.pdf (дата обращения: 04.11.2016).

5. Куракина Е.Б. Тенденции развития акцентологических норм в речи современных молодых москвичей: автореферат дис. ... канд. филол. наук / Е.Б. Куракина. – М., 2011. – 30 с.

6. Успенский Б.А. Социальная жизнь русских фамилий // Избранные труды. В 3 т. Т. 2: Язык и культура / Б.А. Успенский. – М.: Гнозис, 1994. – С. 164–206.

7. Фомина Т.Г. Особенности эволюционных процессов в современной русской акцентуации / Т.Г. Фомина. – <http://elibrary.ru/download/90963418.pdf> (дата обращения: 04.11.2016).

8. Фомина Т.Г. Русское словесное ударение / Т.Г. Фомина. – М.: Флинта: Наука, 2016. – 384 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Активные процессы в современном русском языке: учебное пособие для студентов специальности 030901.65 «Издательское дело и редактирование» / Сост. Н.В. Любезнова / Саратовский государственный социально-экономический университет. – Саратов, 2010.
2. Богданова Н.В. Живые фонетические процессы русской речи: Учеб.-метод. пособ. по современному русскому литературному языку. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2001.
3. Богданова Н.В. Редуцированные формы – порча языка или факт его эволюции? // Фонетика сегодня. Материалы докладов и сообщений VI международной научной конференции 8–10 октября 2010 года — М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2010. — 146 с. С. 17 – 20.
4. Богданова-Бегларян Н.В. Фонетический тьяни-толкай: о двух разнонаправленных тенденциях в построении устного текста // Фонетика сегодня. Материалы докладов и сообщений VIII международной научной конференции 28–30 октября 2016 года — М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 136 с. С. 12 – 14.
5. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. М., 2009.
6. Вербицкая Л.А. Основные тенденции развития произносительной нормы русского языка Фонетика сегодня. Материалы докладов и сообщений VI международной научной конференции 8–10 октября 2010 года — М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2010. — 146 с. С. 29 – 30.
7. Вербицкая Л.А. Тенденции развития произносительных закономерностей в публичной речи // Фонетика сегодня. Материалы докладов и сообщений VII международной научной конференции 27–29 сентября 2013 года. — М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2013. — 101 с. С. 17 – 19.
8. Вещикова И. А. «Свое» и «чужое» в орфоэпии телевизионных СМИ // Фонетика сегодня. Материалы докладов и сообщений VIII международной

научной конференции 28–30 октября 2016 года — М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 136 с. С. 27 – 28.

9. Волошина С.В. Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие. – Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2016. – С. 56 – 57, 58 – 61.

10. Голованова М.А. Проблемы вариантности орфоэпических норм русского языка // Труды Международного симпозиума «Надежность и качество», №1, 2011. С. 119-121.

11. Дурягин П.В. Реализация «сочетаний с непроизносимыми согласными» на стыках слов в современном русском литературном языке // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. № 1, 2015. С. 197 – 207.

12. Загоровская О.В. Русский язык на рубеже XX – XXI веков: исследования по социолингвистике и лингвокультурологии [Текст]: монография / О.В. Загоровская. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2013. – 232 с.

13. Каленчук М.Л. Делимитация значимых единиц языка с помощью фонетических средств: новые тенденции // Фонетика сегодня. Материалы докладов и сообщений VIII международной научной конференции 28–30 октября 2016 года — М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 136 с. С. 48 – 50.

14. Касаткин Л.Л. Орфоэпема как основная единица орфоэпии // Фонетика сегодня. Материалы докладов и сообщений VI международной научной конференции 8–10 октября 2010 года — М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2010. — 146 с. С. 67 – 70.

15. Киров Е.Ф. Терминология русской фонетики // Фонетика сегодня. Материалы докладов и сообщений VI международной научной конференции 8–10 октября 2010 года — М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2010. — 146 с. С. 72 – 74.

16. Ковалёва М.Ш., Фролова А.М., Яхно М.Д. Активные процессы в области словесного ударения // Инновационная наука. –2016. – №6. С. 114 – 117.

17. Кривнова О.Ф. Современное состояние терминологического аппарата теоретической и прикладной фонетики // Фонетика сегодня. Материалы докладов и сообщений VIII международной научной конференции 28–30 октября 2016 года — М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 136 с. С. 66 – 69.

18. Кузьмина С.М. Проблемы нормирования орфографии и орфоэпии в условиях современной языковой ситуации // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы. Материалы международной научной конференции (Москва, 8–10 июня 2002). М., 2003. С. 232.

19. Леонов А.И. Вариативность акцентных норм в современном русском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 3(69): в 3-х ч. Ч. 2. С. 122-125.

20. Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995). – 2-е изд. – М.: «Языки русской культуры», 2000.

21. Скачедубова Е.С. Сюрпризы нейтрализации гласных в современном русском литературном языке // Фонетика сегодня. Материалы докладов и сообщений VII международной научной конференции 27–29 сентября 2013 года. — М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2013. — 101 с. С. 74 – 78.

22. Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX – XXI веков / Отв. ред. Л.П. Крысин. – М.: Языки славянской культуры, 2008.

23. Фомина Т.Г. Особенности эволюционных процессов в современной русской акцентуации // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – Том 153, кн. 6, 2011. С. 74 – 82.

24. Фонетика сегодня. Материалы докладов и сообщений VI международной научной конференции 8–10 октября 2010 года — М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2010. — 146 с.

25. Фонетика сегодня. Материалы докладов и сообщений VII международной научной конференции 27–29 сентября 2013 года. — М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2013. — 101 с.

26. Фонетика сегодня. Материалы докладов и сообщений VIII международной научной конференции 28–30 октября 2016 года — М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 136 с.

27. Фунтова И.Л. Акцентные изменения в современном русском литературном языке // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». — № 2.— 2009. — М.: Изд-во МГОУ. С. 140 – 145.

28. Фунтова И.Л. Изменения в произношении гласных звуков в современном русском литературном языке // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». — № 3.— 2008. — М.: Изд-во МГОУ. С. 46 – 51.

29. Фунтова И.Л. Изменения в произношении согласных звуков и их сочетаний в современном русском литературном языке // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». — № 2. — 2008. — М.: Изд-во МГОУ. С. 76-84.

30. Фунтова И.Л. Тенденции и основные правила, определяющие место словесного ударения в английском и русском языках // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, т. 12, № 5, 2010. С. 227-232.

31. Хакимова Е.М. Нормы современного русского ударения: динамика синхронии // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». — 2017. — Т. 14, № 1. С. 52–55.

32. Хакимова Е.М. Нормы современной русской сегментной орфоэпии: аспекты осмысления в российской лингвистике // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». — 2017. — Т. 14, №3. С. 62 – 65.

33. Штудинер М.А. Просторечное произношение в эфире // Фонетика сегодня. Материалы докладов и сообщений VI международной научной конференции 8–10 октября 2010 года — М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2010. — 146 с. С. 129 – 130.

20. Юдина Н.В. Русский язык в XXI веке: кризис? эволюция? прогресс? (монография) / Н.В. Юдина. — М.: Гнозис, 2010. — С. 85 – 86.

Интернет-ресурсы

1. Вербицкая Л.А. Произносительная норма // <https://www.youtube.com/watch?v=DGhAYNka3Y0>
2. Вербицкая Л.А. Варианты русского литературного произношения, или Как говорят в Москве и Петербурге // <https://www.youtube.com/watch?v=xFwwtMuGQZQ>
3. Videоканал «Глазарий языка» // <https://www.youtube.com/user/ruslang4school>
4. Иткин И.Б. Ударение на предлог // <https://www.youtube.com/watch?v=DC-ry8o64z0>
5. Каленчук М.Л. Варианты произношения: благо или зло? // <https://www.youtube.com/watch?v=R5S88KwqLUY>
6. Каленчук М.Л. Современные орфоэпические нормы русского языка и их отражение в словарях // <https://www.youtube.com/watch?v=YGpV4i3Zt4M>
7. Научная электронная библиотека «Киберленинка» // <https://cyberleninka.ru>
8. Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU // <https://elibrary.ru/defaultx.asp>
9. Научно-образовательный проект ТАСС «Чердак» // <https://www.youtube.com/channel/UCbABbAruMvOiidG7lsxHLyg>
10. Официальное представительство проекта «ПостНаука» (<http://postnauka.ru/>) в YouTube // <https://www.youtube.com/user/postnauka/featured>
11. Шмелёв А.Д. Изменения в русском языке начала XXI века: мифы и реальность // <https://www.youtube.com/watch?v=1zzR2MgcpAo>
12. Штудинер М.А. Насколько свободно русское ударение? // <https://www.youtube.com/watch?v=0iQyOqqsu2g>

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Часть I. Активные процессы в области орфоэпии современного русского языка	4
Часть II. Активные процессы в области акцентологии современного русского языка	15
Часть III. Хрестоматия	23
Фунтова И.Л. Изменения в произношении гласных звуков в современном русском литературном языке.....	23
Фунтова И.Л. Изменения в произношении согласных звуков и их сочетаний в современном русском литературном языке.....	32
Голованова М.А. Проблемы вариантности орфоэпических норм русского языка.....	45
Хакимова Е.М. Нормы современной русской сегментной орфоэпии: аспекты осмысления в российской лингвистике.....	54
Фунтова И.Л. Акцентные изменения в современном русском литературном языке.....	61
Леонов А.И. Вариативность акцентных норм в современном русском языке.....	71
Ковалёва М. Ш., Фролова А.М., Яхно М.Д. Активные процессы в области словесного ударения.....	78
Фомина Т.Г. Особенности эволюционных процессов в современной русской акцентуации.....	83
Фунтова И.Л. Тенденции и основные правила, определяющие место словесного ударения в английском и русском языках.....	97
Хакимова Е.М. Нормы современного русского ударения: динамика синхронии.....	109
Литература	117